

Ирина Левенталь

Судья

судья

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

18+ Содержит
нецензурную
брань

Ирина Левенталь

Мой секс

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65407467
И. Левенталь. Мой секс: ИД «Городец»; Москва; 2021
ISBN 978-5-907358-29-4

Аннотация

Остроумное и откровенное исследование женской сексуальности и социальности в постфеминистском обществе. Ирина Левенталь рассказывает, как научиться сохранять свое уникальное отношение к жизни в мире, который иногда по-звериному жесток с женщинами, но чаще все-таки дарит им необыкновенное наслаждение собой и другими. И показывает, как обо всем этом говорить.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

1	5
2	30
3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Ирина Левенталь

Мой секс

© И. Левенталь, 2021

© ИД «Городец», 2021

© А. Слостенин, оформление, 2021

* * *

1

Рассказывают, что когда я впервые увидела член – мама с подружкой вместе переодевали нас, своих *пупсов*, – я очень обрадовалась. Даже если эта история апокриф, она мне нравится. Нравится, потому что если так, то, значит, вся дальнейшая история моей сексуальной жизни (не всегда радужной, я не об этом) была фигурой, описывающей вопросительный знак вокруг точки этой радости. Между тем мне вообще нравится думать о человеке как о существе вопросительном, не завершённом.

Что я имею в виду: тело. Тело как *странный объект*, странность которого в том, что оно одновременно вполне посторонний объект и вместе с тем самое непосредственное я. (В этом смысле единственный объект в своем классе, множество, состоящее ровно из одного элемента.) И – тот факт, что секс оказывается едва ли не единственным способом изучения этого поразяющего воображение дуализма. Более того, все попытки такого изучения мы склонны относить к области сексуального, хотя бы они и не имели отношения собственно к сексу.

Скажем, мне пять лет, и я в гостях у маминой двоюродной сестры. Лето, Гатчина. Мама оставила меня на неделю или около того – сказала, что командировка, но к тому моменту папы уже не было, так что могла и поехать с кем-ни-

будь отдохнуть. У тети Лены две дочери: одна моя ровесница, другая старше на три года. Старшая начинает игру. Она просит сестру снять трусы, наклониться, а затем вкладывает ей между ягодиц одуванчик – желтый пушистый цветок. После этого мне предлагают подвергнуться той же процедуре, и я, преодолев робость, соглашаюсь. Чувства, которые я при этом испытываю, – это одновременно легкое удовольствие, легкий стыд, легкая гордость (игра ощущается как *взрослая*), легкое удивление – и сильнейшее любопытство. Я говорю о том, что эта игра – имеющая, само собой, отношение к детской сексуальности, – была не чем иным, как постановкой вопроса о мере независимости от меня моей задницы: в чем разница между сережкой в ухе и одуванчиком в попе?

Я не признаю бульварного фрейдизма, в соответствии с которым если ты впервые в жизни увидела кривой член, то потом всю жизнь будешь любить только кривые, а прямые будешь презирать. Уверена, дело обстоит сложнее. В частности, вот что: никакой такой специальной детской сексуальности не существует. В действительности речь идет об одном и том же круге вопросов и о непрерывно совершенствующихся подходах к ним. Я не получила нового тела на совершеннолетие – и то же касается моей сексуальности.

Что, разумеется, не означает, будто людей, которые детской неопытностью пользуются в своих сексуальных интересах, не нужно закапывать поглубже, – нужно, да еще как.

Мне повезло: я не была изнасилована в детстве, точнее

эти попытки провалились – так что, кажется, у меня есть основания считать свое детство в этом смысле счастливым и – обычным, как у всех.

Я пошла в первый класс на окраине Петербурга – там маме удалось получить квартиру после того, как они с папой развелись. Многие тогда (когда квартиры еще *давали*) для этого разводились фиктивно, но у них с папой действительно не сложилось, и я до сих пор с уверенностью не могу сказать почему. К тому времени, когда я уже могла осознанно спросить об этом, мама успела сформулировать окончательную, не подлежащую пересмотру версию событий (на самом деле линию защиты), которая, судя по всему, имеет мало отношения к реальности, а с отцом – в те редкие моменты, когда мы общаемся, – у нас сложились такие отношения, что я не могу его об этом спросить. Впрочем, уже тогда мне казалось, что папа спокойный и мягкий человек, а мама – скорее слегка экспрессивна. Словом, похоже на то, что их развод был нелепой, хотя и неизбежной случайностью.

От самого процесса обучения в начальной школе у меня не осталось ровно никаких воспоминаний. Читать, писать и считать я научилась дома – и не думаю, что я много потеряла бы, если бы вовсе пропустила первые четыре или даже пять классов. Совсем другое дело – то, что сейчас называют социализацией. Я оказалась в окружении жестоких и невоспитанных детей и вынуждена была как-то встраиваться в этот *дружный коллектив*. Не могу сказать, что дома об-

становка была прямо уж безоблачная, но в школе любимым детским развлечением было выбрать кого-нибудь одного и травить его. Дело усугублялось тем, что маме приходилось работать, так что в первый год я всегда оставалась на продленку – со всеми этими прогулками, играми в рекреациях и, само собой, с тихим часом.

Детская жестокость беспричинна. Выбирая кого-то одного для травли, мои одноклассники делали это не потому, что этого одного как-то специально ненавидели, а, скорее, из все тех же исследовательских соображений: *ну хорошо, а что будет, если нажать вот сюда?* Так что сегодня могли дразнить (вспомнила, как это называлось) за длинный нос девочку, завтра – описавшегося на физкультуре мальчика, а через несколько дней, с новым поворотом карусели, полностью перегруппироваться, выбрать кого-то следующего, и тогда те, кого травили на прошлой неделе, сами старались придумать, что бы такого крикнуть пообиднее. (Да, я тоже принимала участие во всех стадиях этих игр.) Впрочем, точно так же в произвольный момент все тридцать детей могли отставить издевательства и действительно сплотиться в дружный коллектив – это случалось почти всегда во время тихого часа.

Разумеется, никто во время тихого часа не спал. Помню, воспитательница всегда говорила, что, мол, зря не спите, вырастете, будете сами себе завидовать, что можно днем часок поспать. Она оказалась права, но что толку? Тихий час был в действительности часом, когда могли отдохнуть от галдящей

детской толпы сами воспитательницы, – и это единственный разумный смысл этого часа, если только не допустить, что он был устроен специально для самостоятельного детского сексуального развития.

Пару лет назад я разговорилась об этом со своей подругой – она рассказала, что во время тихого часа девочка из соседней кровати перелезала к ней, они лежали в обнимку и, имея возможность убедиться, что их тела устроены примерно одинаково, пользовались этой возможностью (нет, она не стала лесбиянкой). Исходя из этого, можно представить себе, какие широкие горизонты открывались перед тысячами и сотнями тысяч детей по всему Советскому Союзу, когда их оставляли в полутемных комнатах с кроватями.

У нас в классе практиковалось нечто вроде стриптиза (называлось это просто «показать») – кто-нибудь один говорил, например: «Олька, покажи!», – все остальные дружно уговаривали Олю, и она рано или поздно снимала трусики и вставала ногами на постель, чтобы все могли посмотреть. В эти моменты все чувствовали настоящее единение и общую причастность к одному на всех секрету. Здесь не было унижения – напротив, тот, на кого падал жребий, чувствовал скорее свою возросшую значимость, а возможно, даже и гордость за свою смелость. Разумеется, были девочки и мальчики, которые «показывали» чаще других. Я была не из них.

Я не хотела бы, чтобы создалось впечатление, будто, рассказывая об этих практиках, я одобряю их. Нет – хотя и нака-

зывать себя-ребенка не стала бы. Честно говоря, я до сих пор не знаю, сколько во всем этом было от дурного ответа на законное любопытство, а сколько – от тупой неизбежности (*все дети делают это*). Что по-настоящему достойно осуждения, так это страусиное самоустранение миллионов взрослых от сексуальности детей. Убедить себя в том, что чего-то, с чем ты не хочешь иметь дела, не существует, и тем самым поощрить самые дикие практики и события – это так по-взрослому. Только представьте себе, как все эти воспитательницы, учительницы, вплоть до директора, узнав, что первоклашки *показывают* друг другу, закудахтали бы, и закатали бы глаза, и вскричали бы *о времена, о нравы*, и стали бы выдумывать для детей наказание, – чувствуете, как сразу хочется раз и навсегда запретить этим кумушкам приближаться к детям? Вот и я о том же. А ведь они не только в школах работают, у них самих есть дети, общество состоит из таких кумушек – всем пофигу, что там происходит с детьми и у детей, лишь бы мы ничего-ничего об этом не знали.

То же самое относилось и к вопросу об информировании детей относительно появления людей на свет. Предполагалось, что ребенок должен вырасти, совершенно этим вопросом не интересуясь, вполне удовлетворившись образами аиста и капусты, дожить до седьмого класса, проштудировать учебник биологии, узнать, как размножаются кролики, и догадаться, что у людей происходит так же. В действительности, само собой, дети к седьмому классу уже представляли

себе процесс во всех подробностях без всяких роликов – другое дело, что знание это приходило на смену целой череде самых невероятных представлений и убеждений, давалось с трудом и сопровождалось исключительно негативным эмоциональным фоном. Сейчас, понятно, у детей есть интернет, но боюсь, что это не освобождение человечества из векового рабства, а те же яйца вид сбоку.

Несомненно, разговоров на эту тему было множество – я довольно хорошо помню один. С детьми-соседями мы сидим в густых кустах во дворе. Стало быть, это либо сентябрь, либо конец мая – и либо конец первого класса, либо начало второго. Я доказываю, что дети зарождаются от обмена слюной при поцелуе, а выходят из тела матери через специально открывающуюся по такому случаю щель между грудей. (Откуда у меня такая информация, не помню, убей бог.) Мальчик постарше на год или два не очень уверен насчет первой части, но совершенно уверен, что я ошибаюсь во второй и что дети выходят «из письки». Мне эта версия кажется крайне неубедительной – даже маленькие дети, по моему мнению, не могут быть маленькими настолько, чтобы там пролезть.

Просвещения век настал для меня и открытия чудные настали три года спустя. Моя лучшая подруга Ксюша в школе на перемене отводит меня в сторонку и говорит, что все узнала, но чтобы рассказать, нужно пойти домой. Почему – не обсуждается, и так понятно: в школе опасно, ну и к тому же без атмосферы секретности пропадает удовольствие от вла-

дения тайным знанием. После уроков мы идем ко мне (мама еще на работе), Ксюха забирается с ногами на кровать, я усаживаюсь рядом, и она рассказывает, что мальчик вставляет хуй девочке в пизду, они ебутся, в результате чего из мальчика вытекает сперма, которая остается в девочке, от чего она беременеет, и через какое-то время ребенок выходит через пизду. Я с трудом представляю, как можно вставить куда-то мягкую мальчишескую висюльку, но спросить не решаюсь, как не решаюсь спросить, что значит *ебутся*: знание передано с максимальной торжественностью. И – с предельным отвращением, с интонацией «ты только представь себе эту гадость». В связи с этим информация «а еще это очень приятно» выглядит сноской мелким шрифтом, ложью для простаков – мы с Ксюхой торжественно обещаем друг другу, что никогда не будем заниматься ничем подобным. (Представьте себе, что как раз в это время я запоем читала «Волшебника Изумрудного города» Волкова – все шесть томов подряд.)

Боюсь, словосочетание «лучшая подруга» может натолкнуть на мысль о том, что их было несколько. Совсем наоборот: Ксюша была единственной, и к тому же – так себе подругой. Настоящие появились у меня только в старшей школе. Ксюша, насколько я могу вспомнить, пользовалась мной и моим желанием общаться в рамках запутанных интриг с другими одноклассницами, смысл которых сейчас уже не восстановить.

Гораздо лучше отношения складывались с детьми мамии-

ных подруг, но виделись мы нечасто, поскольку те жили в центре, и к тому же это было всегда если не под надзором, то в присутствии взрослых, которые рядом с нами, играющими, выпивали, так что, понятно, никакой обмен секретными знаниями там был невозможен.

Напротив, как раз в этой среде мне было предложено испытать нечто вроде романтической влюбленности: мама с подружкой придумали, что я должна влюбиться в подружkinого Рому, а он, соответственно, в меня. Не то чтобы они на этом настаивали, но они постоянно намекали на это, и конечно, эта мысль не могла в какой-то степени не завладеть мною. Рома был хороший мальчик, только не очень заинтересован во всем этом – мы больше играли в приставку, а когда я, по маминому наущению, дарила ему какую-нибудь мелочь, он не видел за этим никакого намека. Да и я не очень понимала, чего от меня хотят.

Я к тому, что большую часть времени я была предоставлена сама себе, много читала, а некоторые важные открытия вынуждена была совершать самостоятельно, и обсудить их мне было не с кем. Однажды в ванной мне пришло в голову попробовать свою вагину на вкус, и я тут же проделала это. Вкус показался мне необычным, но вполне приемлемым, и с тех пор я делаю это каждый день – я знаю свой вкус, слежу за ним. Тогда же я начала ежедневно подолгу рассматривать себя в зеркале. Мне нравились изменения в моем теле – растущие волосы на лобке и увеличивающаяся грудь с боль-

шими ареолами вокруг сосков. В том, что они значительно больше, чем у других, я убедилась на школьном медосмотре – девочки смотрели на меня и говорили, что у меня уже все как у взрослой (хотя это было, конечно, не совсем так), и я испытывала гордость.

Довольно скоро я догадалась использовать зеркало для того, чтобы изучить, что у меня там между ног. Мамы обычно не было дома, когда я возвращалась из школы: тогда в редакциях сидели полный рабочий день, никакой удаленки – словом, несколько часов в день я всегда была в полном одиночестве. Мысль о зеркале пришла мне в школе и сразу взбудоражила меня. Я еле досидела до конца занятий, помчалась домой, нарочито спокойно переоделась, съела оставленный мамой обед и выпила чай, после чего полностью разделась, забралась в кровать, легла и поместила между ног раскрытую пудреницу. Я увидела приоткрытые половые губы и собственные глаза – из маленького диска пудреницы на меня смотрело лицо. Выглядело это пугающе: казалось, лицо того и гляди раскроет вертикальный рот и что-нибудь проговорит. Я даже закрыла пудреницу и вернулась к рассмотрению спустя несколько минут. Я перебирала и раздвигала складки и провела за этим занятием полчаса.

Обсудить увиденное у меня ни с кем не получилось – я просто не смогла придумать ни одного человека, который совершенно точно не стал бы использовать мои откровения (*она разглядывает свою письку!*) против меня. Было это осе-

ню, а весной я уже успокоилась на эту тему.

Это важно, потому что как раз та компания, в которой я могла об этих вещах говорить, была не гопническая школьная и не «центровая», почти светская мамаина, ее подруг и их детей, а дачная, наполовину деревенская, в которой я оказывалась каждое лето, когда меня брали с собой бабушка и дедушка, мамыны родители. Не могу с уверенностью сказать, в чем в большей степени было дело: в том ли, что дети были другие, компания разношерстнее, или в особой атмосфере летней детской вольницы, своего рода безответственности – хоть каждый август там прощались до следующего лета, каждый понимал, что *в этой жизни* никто уже больше не увидится. Названия деревни (городка) сказать не могу – речь пойдет о вещах не вполне невинных, а в маленьком местном сообществе сразу будет понятно, о ком речь.

Я умудрилась ни разу не побывать в пионерском лагере – видимо, мама считала меня слишком маленькой для этого, пока это было вообще заведено, а стоило мне чуть подрасти, и пионерские лагеря просто-напросто закрылись в связи с уничтожением страны, исчезновением пионеров, а заодно заводов, денег, еды, общими паникой и ужасом (тогда это называлось свободой, некоторые используют это слово до сих пор). Не чувствую себя вправе говорить о них. Рассказы, которые я слышала от друзей, в том числе и гораздо позже, в том числе и от старших друзей, могли бы составить отдельный пионерский декамерон, но, честно говоря, я склон-

на думать, что пионерские лагеря стали заложниками мифа о самих себе, и самой обыкновенной жизни там было значительно больше, нежели пьянства и разврата. В самом деле: не станешь же на вопрос о пионерских лагерях рассказывать, что, мол, ходили купаться и делали зарядку, – никто просто не поверит. Я это к тому, что мне сложно судить, насколько мое полудеревенское летнее детство (которое в своем роде, уверена, типично) более или менее невинно по сравнению с детством тех, у кого бабушки-дедушки с их дачей не было и кто томился в застенках пионерского гулага. Рискну все же предположить, что плюс-минус все было примерно одинаково.

Речь не идет о первом-втором классе, скорее, мне уже лет одиннадцать-двенадцать. Говорят, нынешние дети о мастурбации все узнают из яндекса – нам приходилось проявлять смекалку и доходить до всего своим умом. (Отсюда, к слову, и беспокойство за молодое поколение: если даже такие вещи им подносят на блюдечке, то что же они смогут выдумать сами? Впрочем, не исключено, что я дезинформирована, и все не так плохо.) Что касается меня, то я узнала о ней так. Я лежала дома на диване, читала и машинально водила ногтем по трусикам. Так продолжалось минут десять – и наконец я почувствовала под пальцем жар. Тело настаивало на продолжении, и мне стало в высшей степени любопытно, что это значит. Я просто терла ногтем трусики, двигаясь очень медленно. Через пару минут я испытала сильнейший оргазм

– по всему телу разлилась волна, от которой занемели ноги, бедра, живот и даже губы. Это было крайне радостное открытие – оказывается, так просто и без особенных усилий можно испытывать такую классную штуку. Я стала мастурбировать регулярно, каждый день и по нескольку раз в день. Часто я притворялась, что сижу и делаю уроки, пока мама ходила туда-сюда по кухне и коридору, а сама вечерами напролет путешествовала пальцами в трусы. (И кстати, с возрастом я не стала мастурбировать меньше.)

В связи с открытием возникли вопросы. Я чувствовала, что обнаруженная мною вещь явно не из тех, которые можно обсудить с мамой или одноклассницами. Но насколько она нормальна – то есть происходит ли то же самое с другими девочками, может быть, все уже это знают и одна я только сейчас обнаружила, или наоборот, я первооткрыватель, и вообще еще слишком рано? Что все это значит? Как называется? И так далее. Был и другой вопрос, который меня начал мучить уже тогда – в какой степени то, что происходит с моим телом, вообще имеет отношение ко мне? Для такой формулировки мне тогда не хватило бы слов, я скорее чувствовала этот вопрос, чем вообще его формулировала. Впрочем, был один способ поставить его ребром: могу ли я *не* делать этого? Всякий раз оказывалось, что нет. Получалось, что я существую ровно до того момента, пока меня не замещает частое дыхание, пот, жар, влага между складок, и свое, принадлежащее мне, являющееся мной тело я не могу заставить

вести себя по-другому хотя бы даже ради эксперимента.

На последний вопрос едва ли кто-то ответит и сейчас. Что касается первых, то с ними оказалось все просто. В первый же день, как я приехала на очередные каникулы к бабушке с дедушкой, Рита, лучшая дачная подружка, затащила меня к себе и, усадив рядом с собой, шепотом, хотя взрослых не было, спросила: *дрочишь уже?* Я сразу поняла, о чем речь. Если у меня и была мысль отнекаться, будто я ничем таким не занимаюсь и вообще не понимаю, о чем речь, то я мгновенно от нее отказалась. Не потому даже, что не хотела врать, а потому что я в таком случае рисковала лишиться шикарной и волнующей перспективы широкого и откровенного диалога. Оставался, конечно, не нулевой шанс, что меня разыгрывают, но во всех остальных случаях скорее нулевым был шанс на диалог. Я кивнула: *ага*.

Оказалось, что Рита уже несколько опытнее меня в этом вопросе. Так, то ли ей кто-то сказал, то ли она сама догадалась, что с этой целью можно использовать не только палец, но и окружающие предметы. Например, ручку дивана. Я сильно удивилась, когда она об этом сказала, и выразила недоверие – просто не могла представить себе, как это возможно. В ответ Рита, нимало не стесняясь, уселась на лакированную ручку верхом и стала по ней аккуратно елозить. Я наблюдала за ней несколько минут, и мне захотелось попробовать самой. Вероятно, я бы ни за что не решилась на это, но Рита из уважения к моему смущению стала настаивать:

оставалась еще вторая свободная ручка. Не то чтобы ощущения, которые я испытала, были какие-то особенно феерические (руками намного приятнее, да и в присутствии Риты было как-то нелепо стараться довести дело до конца), но сама мысль об открывающихся возможностях кружила голову.

Не нужно думать, будто только подобными вещами мы все лето и занимались. В действительности по большей части это были самые обыкновенные летние детские деревенские занятия: купаться, кататься на велосипедах, съезжать на них на спор с крутой горки (синяки и ссадины, а как же), бадминтон в безветренный вечер, карты в дождливый, страшные истории и немного интриг. Мальчишки, помнится, пытались рыбачить, а мы с девчонками ездили на автобусе к окраине колхозного поля щипать горох. Обо всем об этом можно было бы написать увлекательную книжку для подростков, не сомневаюсь.

Городок не был исключительно дачным, из тех, которые пустеют ближе к зиме и на всю округу остаются три с половиной старушки, – Рита была местная и всех здесь знала. Одна из ее подружек по большому секрету рассказала ей про своего отчима и старшую сестру (мамы в этой семье не было – кажется, умерла), что она видела, как отчим сестре (той было пятнадцать) «там лижет». Рита рассказала мне об этом без осуждения, скорее как пример того, какие еще могут быть варианты и вообще, как они, оказывается, многообразны.

Я действительно никак не могла оценить эту информа-

цию с моральной точки зрения – бог его знает, может, так у них, взрослых, и надо (пятнадцатилетняя сестра была для меня, безусловно, взрослая). Зато с практической стороны она очень меня заинтересовала, и я стала приглядываться к коту, который жил у бабушки с дедушкой. Через несколько дней, выгадав момент, когда их не было дома, я заперла дом изнутри, достала из холодильника банку со сметаной и постаралась пожирнее себя намазать. После чего поймала кота и сунула его носом между ног. Никакого эротического опыта не получилось – было слегка приятно, но в гораздо большей степени, до невозможности, щекотно. Я извивалась ужом и терпела секунд десять, а потом убежала на кухню отмываться. Делиться опытом с Ритой я не стала – гордиться было особенно нечем, и к тому же было понятно, что, коль скоро она не дорожит большими секретами даже своих местных подруг, мои опыты с котом тем более станут достоянием всего города. Излишне говорить, что нам ни на минуту не пришла в голову мысль поэкспериментировать в подобном роде друг с другом – думаю, потому же, почему ни в каких наших разговорах на эти темы еще пока никаким образом не фигурировали мальчишки: телу было вполне достаточно себя самого, идея контакта с другим телом в этих целях показалась бы мне тогда идиотской шуткой.

В том, что никакие это все не шутки, я убедилась той же осенью, уже в Петербурге (кажется, тогда уже проголосовали за Собчака и Петербург).

Девяностые были временем возможностей. У кого-то возможности были, у кого-то – у большинства – нет. Мне не повезло. Говоря о возможностях, я имею в виду не только рассекавших по улицам бандитов всех мастей, про которых моя бабушка говорила, что это даже хорошо, что есть бандиты, значит-де, у нас нормальное капиталистическое общество и все будет становиться только лучше (не трудно догадаться, откуда у нее в голове появились подобные суждения, – те же самые opinionmakers сейчас вещают о диктатуре и тоталитаризме; сама бабушка с трудом наскребала на свою гречку). Не только, говорю, бандитов, но и своих нынешних старших друзей – людей, которые вошли в девяностые восемнадцатилетними или около того. Впрочем, боюсь, это тоже не от хорошей жизни – просто-напросто взрослым было настолько не до чего, лишь бы придумать, на что сегодня купить еды, что едва дети переставали требовать ежедневного ухода, на них элементарно не оставалось сил и их предоставляли самим себе. У них были бесконечные тусовки, клубы, феерическая сексуальная раскрепощенность, много самого смелого искусства, никаких обязательств, реки алкоголя и горы разнообразных наркотиков, – все они вспоминают о девяностых как о лучшем времени своей жизни.

Я про себя такого сказать не могу. Для меня девяностые – это нищета, грязь и темнота. Не работали никакие фонари и в подъездах не было лампочек, везде было темно и страшно. Не было урн, мусор почти не вывозили, и, конечно, ни-

каких дворников – на улицах валялись пакеты с отходами, в том числе и пищевыми; не удивительно, что то тут, то там шмыгали крысы. Я была одета в вещи самого низкого качества, карманные деньги появлялись у меня только по большим праздникам, заняться мне, по большому счету, было нечем. Бесплатным было чтение, я была записана в районную библиотеку и бывала в ней два раза в неделю и кружки в Доме культуры (учреждение называлось не так; не называю его в точности – все это затеяно не для того, чтобы поквитаться с кем бы то ни было).

Отец перед отъездом на новое ПМЖ подарил мне коробку своих книг и еще коробку с мелочами, в числе которых был относительно новый фотоаппарат «Смена», – я записалась в кружок фотографии. Добираться до него нужно было через полгорода на метро, но было интересно, и к тому же руководитель кружка – тогда он казался глубоким стариком, сейчас я понимаю, что ему было около пятидесяти – был веселым, добрым, и, хоть от него всегда несло потом, чесноком и табаком, все дети буквально обожали его – словом, я с удовольствием ездила на кружок два раза в неделю почти весь пятый класс и, вернувшись с каникул, пошла снова.

Ванночки, растворы, баночки, прищепки, пленки, бумага – все это очень вдохновляло, было похоже на магию, алхимию, я действительно была от всего этого в полном восторге, всюду носила с собой фотоаппарат, щелкала дома, набережные, лужи, деревья, тратила на пленку все карманные деньги

и клянчила еще (бабушка по папе была в этом смысле добрее бабушки и дедушки по маме и поддавалась чаще – только сейчас я понимаю, чего ей это стоило). Боюсь, великого фотографа из меня не получилось бы в любом случае, но из кружка я вынуждена была уйти не поэтому.

Был конец ноября, суббота. Для непетербуржцев скажу, что в пять часов в это время у нас уже крошечная тьма. Мало этого – валил сильный мокрый снег. То ли поэтому, то ли почему-то еще на кружок пришла я одна, больше никого из ребят не было. Около сорока минут я занималась. В лаборатории был выключен свет, горел только лабораторный фонарь, я закручивала пленку в бачок, заливала проявитель, возилась с фиксажем, ополаскивателем, сушила и собиралась печатать. Руководитель кружка сидел на стуле в углу лаборатории, несколько раз я о чем-то спрашивала его, и он оттуда подавал советы: «Подержи еще две минуты», «Лей еще воду, не жалей», типа того. В какой-то момент у меня заклинило бачок, и я попросила его помочь мне. Он сказал: «Дай его сюда». Я подошла к нему с бачком, он взял его, отставил в сторону, крепко ухватил меня, усадил к себе на колени и стал мять грудь, спину, бока и попу. Он говорил: «Ну что, маленькая сучка, ты этого же хотела? за этим пришла? ты же хочешь? Ах ты сучка». Я не могла пошевелиться от страха. Он развернул к себе мое лицо и стал целовать меня в губы, залезая языком в рот (напоминаю: чеснок, пот и табак). В этот момент я поняла, что сижу на твердом члене. До сих пор

я видела только незарегистрированные члены – будь то Эрмитаж или продленка в школе, – тут меня наконец осенило, что с ними происходит и как именно член можно вставить в женщину. Пазл сошелся.

Я несколько раз слышала слово «изнасилование» – в каких-то взрослых разговорах и по телевизору, – но смутно представляла себе, что это такое. Руководитель кружка продолжал шептать *ах ты, сучка, маленькая дрянь*, и я поняла, что то, что со мной происходит, и есть изнасилование.

Думаю, это было что-то вроде аффекта. Я сильно укусила его, вскочила, кинула в него несколько попавшихся под руку предметов, схватила куртку, сумку и выбежала за дверь. Он догнал меня внизу, во дворе. Больно схватил за шею и со злобной яростью пробормотал в ухо: «Я тебя убью, если ты кому-нибудь расскажешь, ты поняла? Я убью тебя, сучка, дрянь малолетняя». После этого оттолкнул, и я, поскользываясь на снегу, побежала на улицу.

Я ехала домой в почти полном вагоне метро – растрепанная, в незастегнутой куртке, с квадратными от ужаса глазами, меня трясло. Думаю, что если бы я увидела в метро такую девочку сейчас, я бы обязательно подошла и спросила бы, что с ней случилось. Меня никто не спросил, в те годы это было не принято. Если бы спросили, я, возможно, не выдержала бы и сказала, что меня изнасиловали. В тот момент я была абсолютно в этом уверена. Я чувствовала себя именно маленькой сучкой и малолетней дрянью и ненавидела скорее

себя, чем руководителя кружка (напоминаю: доброго, веселого и любимого всеми). Домой я пришла, уже немного отойдя от аффекта, в застегнутой куртке и с каменным лицом. Мама отчитала меня за потерянный шарф, я ничего ей не сказала. Фотоаппарат я убрала на дно ящика в шкаф и, конечно, больше не появлялась в кружке.

Я знаю немало женщин, прошедших через нечто подобное в детстве. Полное совпадение в целом и в деталях – начиная с того, что это всегда либо учитель, либо родственник, например, дядя, во всяком случае, уважаемый член общества, заканчивая тем, что он всегда будто бы в шутку сажает ее на колени. Подозреваю, что и большинство мальчиков проходят через это, но им трудно об этом рассказать даже спустя десятилетия.

По сегодняшний день события того вечера остаются одним из самых страшных воспоминаний моей жизни. Дело не только в том, что это жутко само по себе – когда существо в три раза больше тебя хватает тебя и намеревается тебя трахнуть в тот момент, когда ты не просто к этому не готова, но даже не представляешь себе, что это значит, – это очевидно. Намного страшнее другое. Чувство вины и обращенное на саму себя подозрение. Много лет, перебирая в голове весь сексуальный опыт моего детства, я не могла не задаваться вопросом: а может быть, я, малолетняя дрянь, действительно *этого хотела?* Может быть, я, *маленькая сучка*, и в самом деле выросла как-то специально развращенной? (Вот хоть бы

и из-за неполной семьи? – бульварный фрейдизм уже тогда был на марше.) Наконец, может быть, под коркой ужаса и отвращения на дне меня, в тине и водорослях, распускала жабры рыба удовольствия? Настоящего сексуального желания? Может быть, и до сих пор, помимо своей собственной, я отбрасываю и тень одиннадцатилетней девочки, которая хочет, чтобы ее слегка насильно трахнул большой взрослый мужчина? Задаваясь этими вопросами, я не могла не находить на них ответы. И даже сейчас, когда я все уже знаю и понимаю, эти вопросы вызывают у меня ужас – как тигры в клетке зоопарка: замки надежны, но тигр жив и опасен.

Каково приходится тем, кому не удалось сбежать из лап доброго и веселого дяди, я не знаю – но если бы предложили закон, разрешающий им убивать своих «учителей», я бы не удивилась. Я все же не была по-настоящему изнасилована – мне повезло. Поэтому я и говорю о сексуальном опыте своего детства как об обычном – таком же, как в среднем по больнице у всех. Я не резала вены, не начала спать со всеми подряд в тринадцать лет, не сбегала из дома, не кололась, не кланчила мелочь на улицах – предлагаю свою кандидатуру в качестве эталона нормальности.

Я бы не хотела, чтобы создалось впечатление, будто пережитая травма завладела мной целиком и не отпускала ни на минуту – вовсе нет. Если у вас на теле есть оставшиеся с детства шрамики, можете посмотреть на них и примерно представить, о чем я говорю. Поток сексуальности штука на-

столько мощная, что сметает на своем пути и не такие препятствия. Я продолжала исследовать свое тело – как местность, в которой мне предстоит прожить жизнь. И мое тело мне чем дальше, тем больше нравилось. Мне нравилось, как оно работает, нравилось *пользоваться* им – я с удовольствием занималась спортом и чуть позже записалась на танцы. И – мне все больше нравилось, как оно выглядит.

В девятом классе у меня появилась первая настоящая подруга, Даша. Дашины родители по моим меркам были едва ли не миллионеры – Даша жила в большой квартире в центре, у нее был огромный гардероб, украшения, компьютер, видеомэгнитофон и музыкальный центр, и она вполне серьезно говорила о правах, которые ей нужно получить, потому что на восемнадцать лет папа купит ей машину. Все это ее не портило и не портило нашу дружбу – она не гордилась благополучием, а я ему не завидовала (или не давала зависти ходу).

Здесь снова появляется фотоаппарат, будто бы я специально ищу возможности провести какие-то символические параллели и создать систему отсылок – нет, похоже, что жизнь делает это за нас. Что тут за фотосимволизм, я не знаю. У Даши фотоаппарат был не чета моей «Смене» – точно не помню, но по тем временам последнее слово техники, то ли Canon, то ли Nikon. Одну из суббот весной девятого класса мы с Дашей провели у нее дома, фотографируясь голышом. Я фотографировала ее, она меня, и несколько сним-

ков мы сделали вдвоем. У фотосессии не было цели, мы не собирались никому показывать фотографии, мы делали их как бы ни для чего. Это было очень весело – чистая, беспримесная радость и такое полное счастье. Мы фотографировались стоя, сидя и лежа, прикрывая грудь и дерзко выставив ее вперед, с раздвинутыми и сомкнутыми ногами, выгнувшись и сгруппировавшись – извели не меньше пяти пленок. Делалось это вовсе не для предполагаемого/воображаемого мужского взгляда – измерение мужского в этом опыте отсутствовало напрочь. Мы наслаждались своими телами – совершенными и очень красивыми машинами. Нам хватило ума отнести пленки в фотостудию – проявлять и печатать. Даже в голову не пришло, что наши выходки станут там достоянием целого коллектива. Получив снимки, мы поделили их, и я долго разглядывала свои дома. Смотреть на себя со стороны было странно, и чем дольше, тем страннее: вот это тело, тело идеального сложения, соблазнительности, очарования и свежести, с прекрасной грудью, нежным изгибом шеи и бесподобными полушариями задницы, – это мое тело. То есть – буквально я. Это не укладывалось в голове. Эти фотографии потом нашла и со скандалом выбросила мама – жаль, я с удовольствием посмотрела бы на них сейчас.

К порогу того, что принято называть полноценной сексуальной жизнью, я подошла совершенно целомудренной – не только в рассуждении нетронутости всех отверстий моего тела, но и в смысле девственности моего сексуального со-

знания. Разумеется, я думала о когда-нибудь-будущем сексе с мальчиком, но исключительно в аспекте любви – представить себе просто секс с просто мальчиком у меня не получалось. Объект будущей любви был мальчиком, так сказать, обобщенным, идеей мальчика, он легко расщеплялся на несколько фигур, но так же легко собирался обратно. Говорю – я была невинна, чиста, нетронута.

2

Год назад я оставила дочку ее отцу на две недели и улетила в Швецию – подруга дала мне ключи от их со шведским мужем маленького дома. В такой глуши, что до ближайшего магазина нужно было долго ехать на автобусе. Мне нужно было остановиться, сойти ненадолго с карусели, чтобы перестала кружиться голова, вернуться к себе.

Дом был старый, он поскрипывал и потрескивал. По ночам иногда дул сильный ветер, он будто лапой забирался в трубу и шебуршал там. Если шел дождь, то казалось, что по крыше везут телегу с кирпичами. Я ходила гулять в лес – вдоль реки, вскипающей на горах камней, к морю. Море пахло водорослями и угрюмо рокотало – так мерно дышат во сне люди. Солнце сбоку просвечивало сосны, по которым мелькали серебристые тени белок. Чуть в стороне было широкое поле, там пасли лошадей. Когда я выходила из леса к ограде, лошади поворачивали головы и смотрели на меня. Мне становилось неловко, и я уходила. Возвращаясь домой, я подолгу сидела на камне у берега реки – смотрела, как плывут между солнечных искорок красные и желтые листья, вслушивалась в ветер, расшатавающий лес, принюхивалась к запахам прелой листвы и еловой смолы. Там мне и пришло в голову написать о себе.

Лес, говорят специалисты, это непрерывная жестокая вой-

на насмерть. Здесь все время душат, убивают, травят друг друга – и растения, и животные, и насекомые. Заповедником мира и покоя он кажется только на незначительном временном промежутке вроде человеческой жизни – том самом, на котором Ахиллес безуспешно пытается догнать черепаху. Подобным образом жизнь человека, вообще говоря, событие беспросветного ужаса – но ведь мы же не живем целую жизнь сразу, мы проживаем моменты, а моменты бывают – упоительной радости.

Об этом я и хочу рассказать – о радости, о бьющей через край полноте жизни.

Здесь уместно вернуться к теме одежды – объекта, максимально близкого к телу. Я сказала, что одеваться было не во что, это правда. Весь город ездил в Апраксин двор или его филиалы в спальных районах – там малоприятные люди продавали уродливую одежду самого низкого качества, примеривать которую приходилось прямо на улице; к вашим услугам, если что, была брошенная на асфальт картонка и зеркало за занавеской. Любые другие варианты либо отсутствовали, либо были не по карману. Человек, покупавший одежду в магазине, считался богатым. Школьницы тогда носили примерно то же, что и сейчас. Но абсолютными хитами были лосины, леггинсы, плиссированные юбки и блузки с рюшами. Многое из этого – так называемых модных расцветок, то есть омерзительно фиолетовое, едко-зеленое, кислотно-оранжевое и так далее. В подобной одежде – создан-

ной как будто специально, чтобы человек чувствовал себя ничтожеством, – я ходила лет до двенадцати.

В школе шел непрерывный конкурс нарядов среди девчонок: у кого круче лосины, а у кого – блузка. Обязательной была также челка с начесом. У кого всего этого не было или леггинсы были не крутые – та ловила на себе презрительные взгляды и слышала шепоток за спиной. В этом соревновании у меня не было шансов победить, и я отказалась в нем участвовать.

Вместо этого я стала шить одежду сама. В первый раз это получилось случайно. Перед новогодней дискотеккой за несколько дней мне позвонила «папина» бабушка и попросила к ней приехать – она сшила мне костюм. Я ехала с опаской, но получила в подарок чудесную полупрозрачную, по-новогоднему сверкающую блузку (она надевалась на телесного цвета топ) и такую же юбку выше колена с небольшим воланом. Стоило мне – прямо там, у бабушки – надеть это, я поняла, что эпоха лосин и челок для меня закончилась. Я сама так сильно нравилась себе в этом наряде, что мне стало совершенно наплевать на мнение других. На дискотеке девчонки смотрели на меня косо, и я стала всеобщим врагом после того, как меня пригласил на *медляк* считавшийся *клевым* десятиклассник. Я ничего не соображала, он крепко сжимал меня и все время повторял, что я самая красивая, танцевал со мной весь вечер и потом предложил *гулять* (на том языке это означало отношения), я сказала, что подумаю.

Через две недели я, набравшись смелости, отказалась. Но это ничего не изменило – ни в моей одежде, ни в отношении ко мне дружного коллектива одноклассниц.

Я стала чаще ездить к бабушке на Жуковского – она научила меня пользоваться швейной машинкой, но главное – придумывать одежду. Сама она – до сих пор не понимаю, откуда в ней это было, – проявляла в этом вопросе удивительное свободомыслие; некоторые из вещей, которые она для меня сшила или связала, были бы провокационными даже по теперешним временам. Так, я несколько лет носила связанную в мелкую сетку кофточку, сквозь которую просвечивала грудь, – бабушка, впервые примеривая ее на меня, сказала, что все нормально, сейчас так носят (она смотрела все модные показы, доступные по телевизору).

Девчонки ненавидели меня и даже несколько раз во время дискотек затаскивали в туалет – это называлось *пиздить*. В действительности там было больше крика и угроз, чем применения физического насилия. *Что, думаешь, не такая, как все?* Ну да, я думала, что уж там. Девочки считали, что я пытаюсь привлечь внимание их мальчиков; их мальчиками, в общем-то, были все мальчики – я была не против. Мальчики и правда много пялились на меня, но с моей стороны мотивация все же была существенно иной.

Мне нравилось быть центром внимания. Меня возбуждало, когда на меня смотрели все – все мужчины и все женщины, – и это возбуждение было куда больше в узком смысле

эротического. Я не искала внимания ни одного конкретного человека, оно не было мне нужно. Мне нужно было, чтобы мир поворачивался вслед за мной. Все остальное – побочные эффекты, с которыми мне по большей части удавалось справляться. После первого раза я больше не танцевала ни с кем *медляков* и не раздумывая отвечала отказом на все предложения *гулять* (это приходилось делать постоянно).

Говоря начистоту, да, я провоцировала, и мне нравилось провоцировать. Сейчас я даже готова согласиться с тем, кто скажет, что это было иногда жестоко по отношению к кому-то конкретному – так, правда, это уже в старшей школе, ко мне однажды подошла делегация мальчиков с просьбой не носить больше прозрачную вязаную кофточку; *у нас у всех стоит на твои сиськи, что ты с нами делаешь*, – но, увы, сексуальность, а тем более сексуальность подростка, это не благотворительный обед. В целом, я уверена, никакой жестокости во мне не было – напротив, все это было радостью, которую я делила с миром, возвращала ему. Возможно, точнее всего будет сказать, что именно со всем миром в его целокупности я находилась в эротических отношениях. В отсутствие (пока даже значимое отсутствие) какого-то одного сексуального объекта я соблазняла мир целиком и заигрывала именно с ним. Это, безусловно, была сексуальность, что же еще, но сексуальность не канализированная, распространяемая так, как цветок распространяет свой запах, сразу во все стороны света, и распространяемая не в конкретных це-

лях, а просто так, от полноты жизни.

Не то чтобы я хотела раз и навсегда снять с себя какую бы то ни было ответственность, но я все же настаиваю на том, что тело – это механизм, а не мыслительный конструкт, и что касается моей машинки, то она работала как часы. Что до первых месячных, то они случились у меня в конце седьмого класса. На уроке физики у меня скрутило живот, я побледнела и едва могла дышать. Учительница, кажется, поняла раньше меня, что происходит, и отправила меня в туалет. Там я обнаружила на трусах капли крови и, несмотря на всю боль, от радости подпрыгнула чуть не до потолка. Не вслух, но про себя я кричала с восторгом: наконец-то. Я отпросилась домой и дома то скрючивалась от боли, но с улыбкой на лице, то прыгала, плясала и хлопала ладонью по стенам. Когда вернулась мама, я встретила ее в дверях с улыбкой от уха до уха и вместо приветствия прокричала: мама, у меня месячные! Мама усмехнулась, иронически поздравила и выдала мне прокладки.

Не исключено, что наше поколение было первым, для которого месячные не были неожиданностью, связанной с паникой и мыслями о смерти. Мы росли под сопровождение бесконечной телевизионной рекламы прокладок – не зная, что такое менструация и зачем она нужна, было невозможно. Девочки в школе хвастались друг перед другом ее началом. Моя проблема, наоборот, была в том, что у меня месячные никак не начинались. У всех девочек в туалете как бы

невзначай вываливались из сумочек упаковки прокладок – я одна вынуждена была молчать, когда они обсуждали, какие лучше. Могла ли я не думать, что со мной что-то не так? Я подозревала свое тело в отклонении от нормы, в какой-нибудь редкой болезни и думала, не пойти ли к врачу. Так что когда я прыгала в узкой школьной кабинке со спущенными трусами и то корчилась от боли, то глупо хихикала, это была радость освобождения от страха. Строительство моего тела было завершено, с ним все было в порядке, оно было правильно настроено, струны были натянуты, гулко звенели и легко отзывались на нежные нажатия клавиш.

Мои месячные с самого первого раза и по сегодняшний день всегда сопровождаются сильными и даже очень сильными болями, но мне никогда не приходило в голову быть этим недовольной, обвинять природу в несправедливом устройстве женского тела, стыдиться месячных или делать вид, будто у меня их не бывает. Напротив, я всегда принимаю их с радостью и благодарностью, ценю их регулярность, отношусь к ним примерно как, насколько я могу судить, мужчины – к своей утренней эрекции: даже с гордостью. Кстати, меня обижает, когда мужчина отказывается от секса из-за моих месячных. Брезгливость в отношении них вообще способна сильно меня расхолодить и обозлить.

Подруги, выросшие подальше от Петербурга, рассказывают, что им в то же самое время приходилось использовать марлю – ее нужно было стирать и сушить не то на батарее, не

то над печкой сразу же после использования. Я обошлась без этого ужаса. При всей нашей бедности, мама всегда на моей памяти покупала прокладки, пусть самые дешевые (к тому же отец наконец-то стал немного зарабатывать в Америке и присылал каждый месяц деньги). Правда, подозреваю, что эти прокладки были ненамного лучше марли – они были сантиметра два толщиной и сбивались при ходьбе в отвратительный, натирающий кожу комок. Нужно ли говорить, что от протеканий они защищали плохо, и то юбку, то джинсы приходилось натирать солью и отстирывать в холодной воде (руками, само собой, стиральная машинка была пока еще недоступной роскошью).

Но главное было не это. Главное было – что я с этого момента ощущала себя, что ли, законченной. У меня была большая для моего возраста грудь, правильная женская фигура, мое тело испытывало оргазмы, и, наконец, оно менструировало – я была в этом смысле нормальная, как все. С началом месячных я почувствовала, что я полностью обжила свое тело, и теперь можно было осторожно осмотреться вокруг. Оставалась, само собой, девственность, но я не ощущала ее пока как помеху – скорее наоборот, она была сверкающей брошкой на прекрасном, ладно сидящем платье из дорогого материала.

Собственно секс меня интересовал не в большей степени, чем тогда, когда мы с подружкой Ксюшей поклялись никогда им не заниматься – как бы в подтверждение этому я никак

не отреагировала на впервые в жизни увиденное порно. Девяностые были временем видеомэгнитофонов – к концу десятилетия хоть плохонький был уже более-менее у всех, но еще в середине он был признаком если не состоятельности, то по крайней мере уже не нищеты. Тот, у кого видеомэгнитофона не было, завидовал тому, у кого он был, и при первой возможности его покупал. Почему именно видеомэгнитофон – понятно; о машине бессмысленно было даже мечтать, дача хоть какая-нибудь была у всех еще с советских времен (были еще *участки*), просто мэгнитофон уже стал обыденностью, плееры нужны были только подросткам, компьютер был непонятно зачем нужен, сотовые телефоны еще не появились, ну и так далее. К тому же почти не было кинотеатров, и уж во всяком случае в них не показывали ничего, что хотелось бы посмотреть. Общим местом в разговорах взрослых было – что век кинотеатров закончился: кому они нужны, когда у каждого дома есть свой? Нужно принять во внимание и то, что бывшему советскому зрителю пришлось наверстывать всю историю мирового кинематографа. Люди активно смотрели классику. Классикой считались третьесортные боевики и вестерны. Самым авторитетным классиком был Брюс Ли. Моя ненависть к девяностым обусловлена в частности тем, что людей обманули не только по поводу экономических реформ, но даже и тут – убедили их в том, что все говно мира представляет собой сокровищницу культуры.

Примерно то же относилось и к порнографии. Считалось, что порнография – это респектабельно, ее держали дома и прятали от детей. Порнография была двух видов – для людей попроще и для людей с претензиями. Так, я из разговоров взрослых уловила, что всякий культурный человек должен посмотреть и оценить несказанной глубины и красоты фильм «Девять с половиной недель». Этот фильм я посмотрела спустя много лет – и поразилась, до чего это бессмысленная и убогая поделка. А что касается порнографии попроще, то ее я посмотрела тогда же, в седьмом классе. Это была уже не Ксюша, а Марина – тоже вроде как подруга. Мы пошли к ней домой специально *зырнуть порнуху* – она нашла у *родаков* кассету. Не знаю, сколько мы ее смотрели – может быть, десять минут, а может быть, полчаса. Скучно было с самого начала, но мы держались в надежде, что дальше будет интереснее. Я была удивлена, что меня – которой, чтобы возбуждаться, достаточно было слегка куснуть себя за предплечье, – *порнуха* оставила совершенно равнодушной. Сейчас я понимаю, что меня тринадцатилетнюю принципиально не могло заинтересовать представление объективированного женского тела (как не интересуется и сейчас), но тогда мне достаточно было мысли о том, что все эти штуки пока еще для меня где-то за горизонтом актуальности, да и бог с ними. Разумеется, это относилось и к сексу как таковому.

Я подчеркиваю, что это было так – несмотря на порнографию, несмотря на обилие информации о сексе, несмотря на

скабрезные разговоры о нем из телевизора и ясное понимание того, что мое тело чисто технически к нему уже готово. В том числе – и несмотря на то, что как раз в том же возрасте я впервые оказалась в компании, в которой секс был уже реальностью.

Летом после восьмого класса я в последний раз отправилась на дачу с бабушкой и дедушкой. Меня, как и раньше, отпускали гулять с Ритой, она почему-то считалась «хорошей девочкой», а Риту уже приняли в компанию ее двоюродной сестры, в которую она и стала меня таскать. Сестра была старше на четыре года, и в ее компании мы с Ритой были единственные *малолетки* – все остальные ребята и девчонки там были примерно по семнадцать-девятнадцать лет. Рита увлеченно объясняла мне, с кем спит или спала ее сестра (складывалось ощущение, что со всеми), кто тут вообще по кому *сохнет* и кто кому дал или не дал. Я путалась и старательно имитировала заинтересованность. Боюсь, мне в целом не были интересны ни эти люди, ни тем более их путанные многоугольники.

Мы вели обыкновенную подростковую летнюю жизнь – конечно, уже никто не ездил таскать горох с колхозного поля, вместо этого на раздолбанной «шестерке» всемером отправлялись купаться то на речку, то на озеро, или играли в карты у кого-нибудь дома, или просто пили где-нибудь за гаражами. В любом случае, все это сопровождалось вином «Алазанская долина», водкой «Черная смерть» и сигаретами

«Петр I», разговорами об отношениях и затяжными поцелуями, музыкой Dr. Alban и Ace of Base. Я во всем этом участия не принимала. Я даже ни разу не попробовала «Алазанской долины», хотя Рите уже по чуть-чуть, скорее ради смеха, наливали. С моей стороны не было никакой принципиальной позиции – напротив, думаю, если бы компания была для меня интересной, я могла бы решиться выпить или даже покурить. А они мне были просто не интересны. Я ездила всюду с ними, потому что больше все равно нечем было заняться, но пока они пили, я купалась – подолгу, по часу за раз проводила в воде и заплывала очень далеко, – или сидела в стороне, иногда даже с книгой, или просто гуляла вокруг. Меня терпели из-за Риты – она отказывалась гулять без меня, а без нее не отпускали бы сестру (считалось, что, пока она приглядывает за младшенькой, она не пойдет вразнос). Мальчики посматривали на меня, я видела это, но и только.

Мне не были интересны их разговоры, но в целом это были хорошие и добрые мальчики, ничего специально плохого в них не было. Один, Леша, мне даже немного нравился. Он был первым мальчиком, с которым я поцеловалась.

Произошло это, правда, уже под самый конец лета, буквально за пару недель до возвращения в Петербург. Мы всей компанией приехали на реку жарить шашлыки. Одни ребята разводили костер, другие уже выпивали, кто-то полез купаться. Я немного посидела с ними и ушла вдоль по берегу реки в лес. Погуляв, я села на поваленное дерево у бере-

га и довольно долго там сидела. Было тепло и солнечно – я смотрела на воду, слушала ветер и, разморенная, почти уже засыпала. Леша подошел и сел рядом. «Гуляешь?» – спросил он. Я сказала: «Уже погуляла». Сразу после этого он развернул меня к себе и стал целовать. Это продолжалось довольно долго. Целовался он умело, нежно и уверенно, проводил языком по моим губам и встречался с моим языком, иногда слегка прикусывал губы и в перерывах ласково шептал, какая я красивая, что я цветочек, звездочка и еще много чего приятного. Он смело вел меня, и я полностью ему подчинялась. Руками он гладил мои волосы, уши, шею, слегка прихватывал и мял грудь. Я возбуждалась в самый первый момент, и дальше мое возбуждение только росло, с каждой минутой все больше и больше. Но даже в этот момент я совершенно не думала о сексе. Честно говоря, я даже не очень думала о Леше. Его губы, язык и ладони, его шепот – оказались удивительным инструментом повышения моего собственного эротического напряжения, оно в этот момент перешло на качественно новый уровень, и я наблюдала только изменения в собственном теле, которое, как оказалось, способно на гораздо большее, чем я думала раньше, что-то изнутри буквально распирало и нагревало его, как газовая горелка – аэростат. Потом Леша оторвался от меня, улыбнулся, посмотрев мне в глаза, и ушел. Дома я половину ночи неистово мастурбировала.

Леша гулял с какой-то из старших девчонок, но меня это

не трогало – Леша не был мне нужен. До моего отъезда мы встречались, разумеется, еще несколько раз, при встрече он заговорщически подмигивал мне, и мне от этого было немного весело – у нас был общий секрет. Но и только; ни продолжения, ни даже повторения не было. Я была совершенно довольна – мне нужно было время, чтобы пережить и осмыслить этот опыт, сто раз повторить его в своем воображении и только потом двигаться дальше.

И я вернулась в город, в школу.

То ли потому что нас так перетасовали – кто-то ушел, кто-то пришел, – то ли потому что дети вообще взрослеют, умнеют, в них остается меньше детской бессмысленной злобы, она уступает место мало-мальски рациональному принятию мира, – в девятом классе впервые мы начали по-настоящему дружить. Нас было шесть человек, меньше – если кто-то заболел или не мог, больше – если кто-то присоединился. Мы слушали музыку, пили пиво, гуляли, ходили на дискотеки, сидели у кого-то в гостях, если была свободная квартира, но чаще – сидели в парадных. В хорошую погоду играли в бадминтон или «квадратик» (это игра с мячом). Так или примерно так тогда жили все подростки.

С девчонками мы включали магнитофон и орали во всю глотку «проснулась утром девочка, такая неприступная...», переодевались в одежду друг друга, кувыркались голыми по кроватям, пили, курили и целовались. Пили и курили, впрочем, не так уж и много и друг с другом целовались скорее

из хулиганских соображений, нежели из эротических. Много обсуждали мальчиков. Светка уже встречалась с мальчиком классом младше и все готовилась его трахнуть (так она и говорила). Впрочем, ей скорее нравилось шокировать окружающих этим признанием. В действительности до секса всем нам было еще далеко. Старших мальчиков в нашей компании не было – либо ровесники, либо немного младше. Трудно описать удовольствие, которое мы испытывали, провоцируя наших мальчиков. Вариантов было бесконечное множество. Можно было стянуть с одного плеча майку и попросить посмотреть, нет ли там прыщика, – и наблюдать, как он цепенеет, бледнеет и путается в словах (и потом хохотать до слез, пересказывая эпизод девчонкам). Или, идя с ним под ручку в гости к Оле, например, на голубом глазу спросить: «Игорь, скажи, что ты обо мне думаешь?» – слушать, как он крутится ужом, сохранять спокойное выражение лица и внутренне умирать со смеху. Однажды я пришла в нашу обычную парадную и с порога сказала Олегу – он был на год младше, я видела, что нравлюсь ему, он от этого был резким и отчаянно и как-то беззащитно дерзил, – Олег, мол, пойдем-ка целоваться. – Что, прямо сейчас? – А что, слабо? Он молча встал и на негнущихся ногах пошел вслед за мной в соседнюю парадную, где мы просидели, целуясь, на батарее несколько часов, и он оставался все таким же испуганным и почти парализованным.

После летнего эпизода без поцелуев я уже не могла и це-

ловалась при каждом удобном случае. Это мог быть мальчик на дискотеке или мальчик в компании, в парадной, в квартире или на улице – я не встречалась с ними, ни с кем не *гуляла*, но целоваться могла часами, до того, что опухали губы. Я не воспринимала это как прелюдию, как промежуточный в том или ином смысле шаг, это был самостоятельный процесс, смысл которого был в возгонке вещества сексуальности, и я занималась этим с самозабвением, чтобы дома в постели доводить себя до одного оргазма за другим. В моем воображении, когда я мастурбировала, я видела женское тело – как бы немного с высоты – тело взрослой женщины, с большой грудью, слегка припухлым животом, выпуклым лобком и развитыми бедрами. Сейчас я понимаю, что это в действительности было мое собственное воображаемое взрослое тело, но тогда я какое-то время даже чуть-чуть волновалась, не стану ли я лесбиянкой. Впрочем, я быстро успокоилась – ничто другое поводов так думать не давало.

Чаще всего после дискотеки какой-нибудь мальчик вызывался проводить меня до дома и, прощаясь, пробовал поцеловать. Я легко шла на это. Поцелуй мог продолжаться до часа и даже больше, но все последующие предложения – погулять или в гости – я решительно отклоняла. Не только потому что мне не нужны были отношения, но и потому что все мальчишки целовались плохо. Я все время вспоминала Лешу, его сильные большие губы и смелый язык, – и в сравнении с ним все остальные мальчишки сильно проигрывали. Они то

как-то нелепо тыкались, то по-собачьи лизались, то вообще прятали язык так, что его было не найти.

Олег, кстати, был первым после Леши, с кем мне целоваться понравилось, хотя с ним все было существенно иначе. Не исключено, что для него это вообще был первый поцелуй, и к тому же он был на год младше – так или иначе, с ним я полностью сама руководила процессом, направляла и подталкивала его, а он слушался и быстро учился. Мне очень нравилось, что он все делает так, как я хочу. На той самой батарее мы провели с ним еще несколько вечеров, после чего как-то стремительно утратили интерес друг к другу.

Той же зимой для нас началась эпоха больших вечеринок в честь дней рождения. Сейчас, насколько я могу судить, посиделки дома – вещь редкая, чаще отмечают в кафе, в барах или где-то еще, но тогда такое даже в голову не могло прийти, не было таких баров, не было таких денег, мы кочевали из одной квартиры в другую. Многим из нас родители по случаю дня рождения оставляли квартиру на весь вечер или даже на всю ночь. Праздник готовился и обсуждался заранее, именинник должен был озаботиться напитками, гости – закуской, хорошим тоном было дарить кассеты или какую-нибудь мелкую фигню из колониальных лавок – все эти ароматические палочки и глиняные идолища. Никто не боялся мешать водку с колдой, и, как правило, к середине вечеринки несколько парочек уже *сосались* кто в кресле, кто на подоконнике. Хозяину или хозяйке предоставлялось

почетное право занять ванную. В одной из таких ванн на дне рождения я провела всю ночь. Сейчас странно даже об этом вспоминать – целую ночь в ванной, и только целоваться, ничего больше, даже кофточку не снять, – но тогда ничего больше действительно не было нужно (сейчас сказали бы от слова совсем). В тот раз, впрочем, было неинтересно, у хозяина квартиры были тонкие неумелые губы, и он наотрез отказывался понимать, чего я от него хочу. Гости остались недовольны, что день рождения прошел без именинника.

Никакие неудачи не разочаровывали меня. Весь этот калейдоскоп мужских губ и рук, вечеринок и посиделок, игр и музыки, хохота и хулиганства – был чистым веществом восторга, бурлением кипятка жизни, свистом раскаленного чайника. Я хочу высказаться предельно ясно: не поцелуйи и танцы-шманцы продуцировали радость, а совсем наоборот – они были способом экспликации радости уже предзаданной. Сексуальность, распирающая изнутри мое красивое, тренированное и здоровое тело, не требовала секса – она ощущалась как идущий из глубины пространства, сотрясающий Вселенную хохот, и она требовала скакать и хулиганить.

Не исключено, что где-то здесь кроется секрет того, что меня не привлекали – напротив, отпугивали – мужчины ощутимо старше. Я не говорю о сорокалетних стариках, это понятно – но, скажем, даже двадцатитрехлетний красавец Д. О., который одно время вел танцевальную студию, который был немного в меня влюблен и которому бы я сейчас

не раздумывая ответила, пугал меня, когда прикасался к моим плечам и талии слегка нежнее, чем того требовала забота преподавателя. Я настороженно съеживалась и замыкалась в себе, хотя он вовсе не был мне противен и нравился как преподаватель. Однако же я подозревала, что с ним на хулиганстве и скакании далеко не уедешь, и, при всей симпатии, не готова была и не хотела проехать следующие несколько станций без остановок.

Что я имею в виду. Ну например. Нам по пятнадцать, мы отмечаем день рождения Даши, начало июня. Дашин отец по такому случаю отдал нам в распоряжение целую дачу под Сестрорецком и привез машину еды. Нас, наверное, человек двадцать – одноклассники, ребята из соседних классов, Дашины двоюродные братья-сестры и ее друзья по музыкальной школе. Мы пьем, едим, магнитофон работает на полную громкость, кто-то танцует, кто-то забивает косяки. Когда все уже на хорошем взводе, Даша вспоминает про свой фотоаппарат (тот самый). Фотографирование уже тогда было манией и безумием, разве что не было социальных сетей, чтобы публиковать снимки. У меня и у многих моих ровесниц где-нибудь на антресолях до сих пор лежат чемоданы или коробки с сотнями отпечатков. Словом, стоило появиться фотоаппарату, всех понесло еще больше. Мы прыгаем, корчим рожи, виснем друг на друге, вповалку падаем на пол и на диван. Я замечаю, что Саша особенно часто пристраивается фотографироваться со мной, приобнимает меня и охотно валит-

ся со мной на диван, как будто случайно оказывается у меня между ногами и так далее. Саша симпатичный, я вижу его то ли второй, то ли третий раз в жизни и знаю только, что он учится с Дашей в музыкалке. Я разгорячена и чувствую себя особенно дерзкой. Наконец я беру Сашу за руку и говорю ему, что жду его на улице. На улице мы начинаем целоваться. Он гладит мою шею, берет за талию, крепко прижимает к себе, запускает руки под футболку и мнет грудь. Я возбуждена настолько, что протягиваю руки к его ширинке. Я растягиваю ее, и у меня в руке оказывается член. Он крепкий как камень и невероятно большой. Моей ладони едва хватает чтобы обхватить его, я делаю это через трусы. Впервые в жизни в моих руках мужской член – эта мысль еще больше будоражит меня, и, кроме того, меня пожирает любопытство: как оно, мужское тело, устроено? Сейчас я знаю, что Сашин член был нестандартным, намного больше среднего, но тогда я была в шоке от того, каких размеров эта штука. Я как-то неловко пытаюсь гладить ее, Сашины трусы немного намокают. Вдруг мы оба слышим вздох. Обернувшись, мы видим в сумерках за забором мужика. Саша застегивается, я одергиваю майку, и мы возвращаемся в дом.

Я вовсе не хочу сказать, что речь идет о каком-то эксклюзивном опыте, слишком волшебном, чтобы его можно было испытать с кем-то другим и в другой ситуации. Опыт, вероятно, обычный. Но между тем, как я впервые обхватила ладонью мужской член, и временем, когда я впервые дотрону-

лась до него губами, не говоря уж о чем-то большем, прошла еще целая эпоха, которую я ни за что не согласилась бы вычеркнуть из моей жизни – это была эпоха восторга.

Момент перехода из девятого в десятый класс был связан с целой серией самых серьезных изменений в моей жизни. Во-первых, на семейном совете мамы с бабушкой и дедушкой было принято решение продать дачу вместе с доставшейся бабушке комнатой в коммуналке на Восстания и обменять нашу с мамой квартиру в Веселом поселке на небольшую трехкомнатную квартиру на Васильевском, на 13-й линии. Во-вторых, в связи с этим я перешла в новую школу. Наконец, прямо перед началом нового учебного года граждане России проснулись утром в понедельник 17 августа и обнаружили, что их в очередной раз жестко и цинично прокинули через колено. Много лет после этого мама и дедушка с бабушкой вспоминали, как они успели *разменяться* до черного августа – бабушка считала, что ее надоумил Бог, и неустанно благодарила его. Дедушка был с Богом поосторожнее и считал, что заслуга принадлежит ему самому, его предусмотрительности. Так или иначе, теперь мы жили в роскошных, по нашим меркам, апартаментах в центре, но полупустых и опять с голой задницей – маминой зарплаты едва хватало на макароны и куриную печень (как вспомню, так вздрогну). Я не жалею – у нас по крайней мере был мой отец, который раз в месяц присылал по пятьдесят долларов.

Школа была *с уклоном* – не важно, с каким, важно, что

мне пришлось бросить танцы, на них не хватало времени, нужно было учиться и много наверстывать. Я до сих пор немного жалею об этом. Мне нравится моя работа, но иногда мне кажется, что там у меня были шансы несколько более звездные.

Зато меня хорошо приняли в новом классе – уже через пару месяцев я чувствовала там себя в своей тарелке. Класс был разбит на две компании. В одной, исключительно девчончье, любимым развлечением было готовить дома пирожные и петь песни из советских кинофильмов, другая состояла из оторв обоих полов, здесь пили и курили, шатались, слегка хулиганили и были умнее, – легко догадаться, к какой примкнула я.

С девочками в этой компании было о чем поговорить. Кое-какой опыт был у каждой, и я не смотрелась на их фоне отстающей. Тем более что тем же судьбоносным летом у меня впервые случилось что-то вроде отношений. Это снова был Леша, хотя и совсем другой: красавец, спортсмен, медалист, гордость школы. Он уже учился на юрфаке, и вся школа откуда-то знала, что он встречается с однокурсницей – дочкой страшно сказать кого (я и сейчас на всякий случай не говорю).

Он говорил, что впервые заметил меня на выпускном концерте – я на нем, само собой, танцевала, – на все эти праздники выпускники, тем более лучшие выпускники, обязательно приходили. Через несколько дней я увидела его во дворе,

где мы играли в бадминтон, а он гулял с парой своих друзей. Они подошли, и он попросился играть. Я без задней мысли предложила ему свою ракетку, но он сказал, что хочет обязательно играть с такой красавицей, как я. И он, и я играли очень хорошо. Вокруг нас стояли и сидели наши друзья и следили за нами. Леша, не стесняясь их, смело и совершенно открыто флиртовал. Я удивилась, но за словом в карман не полезла – отвечала. После игры (он поддавался, и я выиграла) Леша подошел ко мне и предложил погулять. Вслед нам раздался легкий присвист.

В течение нескольких следующих недель мы, несмотря на его сессию, встречались практически каждый день. Мне льстило, что за мной ухаживает звезда и мечта всех школьных девочек. Это было особенно важно после тех многих лет, когда меня *пиздили* в туалетах. Нас, конечно, видели во дворах, когда он меня провожал или я заходила к нему, – и хоть я уже знала, что в эту школу больше не вернусь, я мысленно с большим удовольствием показывала всем остающимся *бабам* язык. Но кроме этого, Леша был первый мальчик, который действительно умел ухаживать. Не что-то из ряда вон выходящее, но все-таки он встречал меня с цветами, дарил какие-то мелочи, был очень внимателен и говорил тысячу самых приятных слов на свете. У меня немного кружилась голова. Один раз я осторожно спросила его про дочку страшно сказать кого – он сказал, что с ней все кончилось.

В конечном счете это единственная моя на Лешу обида –

что он мне соврал. Наши отношения закончились в начале июля сами собой – мы с мамой переехали на Васильевский, а Леша улетел куда-то отдыхать. Факт сам по себе по тем временам неординарный, люди чаще ездили не отдыхать, а горбатиться на грядах, но Леша, как потом выяснилось, полетел еще и с той самой дочкой, хотя говорил, что летит с родителями.

Не считая этого, во всем остальном Леша был прекрасен, и я до сих пор искренне благодарна ему за эти несколько недель и за его осторожность со мной. В отличие от всех предыдущих мальчиков, чувствовалось, что он с женщинами уже спит. Это было понятно по тому, как он целовал, обнимал, гладил и раздевал. Он был первым мужчиной, который раздел меня до трусов. И – первым, которого до трусов раздела я.

Это было два раза у него дома и один раз у меня. Мы часами валялись на кровати и целовались. Сначала одетые. Он гладил мою грудь через футболку, по сантиметру приподнимал ее, и наконец я разрешила ему ее снять. Он был очень нежен и никуда не торопился. Прикасался к соскам и осторожно играл с ними. Его пальцы пробегали по моим волосам, ушам, шее, спускались к ключицам и потом кругами гладили грудь. Он целовал мои уши, шептал, какая я красивая, нежно трогал языком и слегка прикусывал по краям, потом медленно, растягивая минуту за минутой, целовал за ухом и спускался вниз по шее к плечам. Он знал, где нуж-

но поцеловать, чтобы мне стало еще жарче и чтобы пульсация где-то внизу живота стала еще настойчивее. Я сама еще этого не знала – он показал мне. Он целовал руки изнутри на сгибе локтя и чуть заметно проводил языком по ладоням, находил потайные места на боках, открыл целые залежи эrogenных зон на животе и спине. Его теплая и ласковая ладонь пыталась нырнуть и ниже живота, но я просила его не делать этого – без слов, просто накрывала своей ладонью. Не знаю, чего это ему стоило, но он слушался.

В знак признательности я целовала и гладила его. Я еще толком не понимала, что нужно делать, и копировала вслед за ним – уши, шея, плечи и дальше. Под футболкой, которую я с него сняла, я обнаружила большое, красивое, теплое и сильное тело, которое очень приятно пахло. Я поразилась, какое это удовольствие – просто держать его в руках, прижиматься к нему грудью и животом, чувствовать, как бьется его сердце и подрагивает член. Наконец я решилась сесть на него сверху и прижаться к члену своей пульсирующей вульвой. И на мне, и на нем были трусы, но я чувствовала, как через эту двойную преграду от него ко мне и от меня к нему пробегают мощные и горячие сигналы одной и той же волны. Наши трусы намокали, и мы часами удерживали друг друга на пике напряжения без всякой разрядки – представить себе такое сейчас попросту невозможно.

Сейчас мне трудно понять, почему Леша не настоял на продолжении – я имею в виду, что, возможно, будь он на-

стойчивее и удвой в какой-то момент энергию, я бы не выдержала, позволила бы стянуть с себя трусы и лишилась бы девственности на три года раньше. Но, возможно, это не более чем искажение памяти с дистанции двух десятилетий, и на самом деле моя решимость остановиться пока на достигнутом была крепче всех его усилий.

В эти три или четыре недели с Лешей я пережила такой фейерверк ощущений и открытий, что у меня захватывало дух. Все они требовали времени, с ними нужно было справиться, их нужно было обдумать и сотню раз с рукой между ног под одеялом по шагам воспроизвести в памяти. Наше незаметное, сопряженное с бытовыми обстоятельствами расставание я пережила легко не только поэтому, но и попросту потому, что не была в Лешу влюблена.

Всякий раз, целуясь и обнимаясь то с одним, то с другим мальчиком, оценивая, как они целуются, один хуже, другой лучше, трогая их члены или позволяя им целовать свою грудь, я спрашивала себя, не влюблена ли я. Первое время я застревала на этом вопросе: а вдруг это любовь? как это – любовь? и если, мало ли, любовь – то что? На все эти вопросы не было ответов. Честно отвечая самой себе, я могла только сказать, что не знаю. И наконец я расслабилась. Я решила, что любовь – это что-то такое, что невозможно будет не узнать или с чем-то перепутать, когда она появится. Когда появится – тогда и появится. Я, конечно, хотела лишиться девственности именно по любви – чтобы это было красиво

и незабываемо, но этот план был намного менее конкретен и актуален, чем, например, закончить школу и поступить в университет.

Вспоминая сейчас о своей сексуальности в мои примерно с тринадцати до семнадцати – я думаю не только о том, что в этот короткий период уместилось новостей едва ли не больше, чем во всю последующую жизнь, но и о том, что... Не то чтобы удовольствия я тогда получала больше или оно было ярче – нет, я бы сейчас не променяла хороший десятиминутный секс на три часа поцелуев с приспущенными штанами, – некоторым странным образом, удовольствия было столько же. Образно говоря, по мере того как девальвировалась сексуальная мелочь, наличности сексуального все прибывало – и в конечном счете наполненность системы моего тела оставалась той же. Иными словами, я прекрасно и всем на зависть протрахалась всю среднюю и старшую школу и была самой счастливой девочкой на свете.

3

Конец сентября. Мы с Оксаной и Кирой пьем пиво в садике за Академией художеств – том самом, где стоит не пригидившаяся колонна от Казанского собора (стыдно вспомнить, но в пьяном угаре наши мальчишки били об нее бутылки, и мы не осуждали их: впрочем, это не в этот раз). Этот раз – первый, когда две самые красивые и взрослые девчонки нового класса взяли меня третьей. Мы еще не подруги – это они решили ко мне присмотреться, чего я стою и можно ли со мной тусоваться. Я стараюсь их не разочаровать.

Шикарная погода: ломкие листья слегка шуршат на ветру, ветер теплый, и высокое, как «ми» второй октавы, пронзительно голубое небо. Пиво – такое, какого теперь нет: «Невское» в маленьких изящных бутылочках (это сейчас «Невское» – дешевое пойло, тогда оно было из лучших; уверена, дело в бутылочке).

С Оксаной и Кирой мне неожиданно легко. Не хочу выглядеть географической шовинисткой, более того, тогда я едва ли отдавала себе отчет, в чем дело, и понимаю это только сейчас – это были центровые девочки, девочки, выросшие в центре, и именно это незначительное отличие делало их ни в чем не похожими на мое прежнее окружение; между тем я тоже по разным причинам была центральной и только по недоразумению оказалась на время в жопе мира, а теперь

вот вернулась.

Наш разговор начинается с формальностей – где я училась раньше и почему перешла, давно ли здесь учатся они, как было в старой школе и нравится ли в новой, причем Оксана с Кирой деликатны и обходительны.

Я узнаю, что Оксана и Кира встречаются с мальчиками постарше и, насколько можно понять, спят с ними. Логика разговора подводит к тому, чтобы и я поделилась своей личной жизнью, и я, кажется, несколько путано, объясняю, что у меня отношения только что закончились и что мы с этим мальчиком далеко зашли, но не так далеко, чтобы... Я затрудняюсь говорить дальше, но Кира выручает меня – просто, ничего не подчеркивая, она говорит: *ну и правильно, пизда не ладошка, чтоб каждому протягивать*. Разговор незаметно переходит на музыку.

Я вовсе не хочу преуменьшить достоинств своей новой школы – я многому там научилась, – и все же лучший урок я получила от Оксаны с Кирой. Говорить о вещах, имеющих отношение к сексу, можно. Говорить о них можно без дурацкого закатывания глаз и с нормальными, не так, будто ты в школьном спектакле играешь Мальвину, интонациями. Наконец, не только можно – нужно. Только так тело сексуальности расправляет плечи, поднимает голову и осматривается вокруг – когда нет риска (или по меньшей мере страха) получить подзатыльник.

В тот день девчонки взяли меня в компанию, они пере-

глянулись (*ну мы ж должны были убедиться, что ты не жопа со сливками*, – скажет мне потом Кира) и позвали меня с собой. Мы отправились в гости к Юре – он жил на Третьей линии в шикарном доме модерн, но в удручающе разрушенной квартире, которую его родители, переехавшие в Москву, все собирались продавать – и собирались все время, пока мы в ней тусовались. Юре был двадцать один год, он был музыкант и, само собой, наркоман, но самое главное – он держал открытый дом, был красив, как молодой Курт Кобейн, под которым себя и чистил (как каждый второй молодой музыкант в 1998 году), вообще был добрым и хорошим мальчиком. Его образ жизни для меня, не привыкшей к таким вещам (я даже не сразу поняла, что он сидит на черном), был куда как привлекателен. Он не работал, во всяком случае регулярно, бросил истфак на втором курсе, каждый день принимал гостей и знакомился с новыми людьми, которых к нему приводили, слушал, играл и немного сочинял музыку. Пропуском в его квартиру были сиська пива и пачка пельменей – птицы небесные ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, Отец Небесный питает их. Нужны были хоть немного сытые нулевые, чтобы героин стал чем-то маргинальным, чтобы девочки тратили деньги на фитнес, а мальчишки – на девочек.

Юра и был Кириным «мальчиком» – они были вместе уже год, и их отношения каждый день грозили разорваться. Кира, с одной стороны, жестоко (и в большинстве случаев, ка-

жется, безосновательно) ревновала его к «потаскушкам», с другой – бесилась из-за наркотиков. Она постоянно уговаривала его бросить *эту херню (бухай как человек, травиться-то зачем!)*, и он много раз ей обещал, но прежде, чем Кире надоело быть матерью Терезой, прошло еще больше года.

В квартире на Третьей линии я быстро, очень быстро, поняла одну простую вещь: я все ждала наступления взрослой жизни, а она уже вот, тут, ничего больше ждать не нужно, мои одноклассницы уже воспроизводят матрицы взрослых отношений, причем делают это с удовольствием, даже если сами матрицы эти похожи скорее на «Дневники баскетболиста», чем на «Титаник», – и даже именно поэтому. (И да, конечно, все были влюблены в Ди Каприо, и мальчишек это бесило.)

До сих пор моя жизнь – в том числе и даже в первую очередь сексуальная жизнь – была внешним обстоятельством, в котором я каждый раз заново себя обнаруживала. Вот событие, оно получилось случайно, я внутри него и действую прямо здесь и сейчас, в следующий раз я могу в другом событии оказаться или не оказаться, но сам механизм устроения событий был мне внеположен. То, что я поняла, – это что чрезвычайно важно этот механизм приручить. Нужно править коня, а не ждать, когда он сам завезет тебя к заливным лугам наслаждения. Возможно, точнее всего будет сказать так, как сказала бы Кира, – *взять пизду в руки*.

Смешно сейчас вспоминать, насколько взрослой я чув-

ствовала себя в шестнадцать лет (коротко говоря – абсолютно взрослой, взрослее не бывает), но если задуматься, не так уж это и смешно; бабочка, вылупившаяся из куколки, уже бабочка, а не куколка, даже если прошла только минута, – перед нами работа величественной машины онтогенеза, и смеющийся над ней подобен кролику, смеющемуся в желудке змеи: он, конечно, еще не переварен, но процесс-то уже идет.

Юра показался мне симпатичным и интересным, но представить себя на Кирином месте я не могла, меня пугала разница в опыте – повторяю, мне вовсе не хотелось «научиться чему-то с опытным мужчиной», нет.

Так получилось, что, хотя я с удовольствием тусовалась с Оксаной и Кирой, знакомилась с их друзьями и друзьями их друзей – в основном музыкантами, но были и поэты-художники, а были, конечно, и просто пиздаболы, без претензий (впрочем, пара человек с этого ковчега не совсем сгинули в неизвестности), – пила и курила с ними, смотрела, как они принимают наркотики, ходила на концерты и ездила по гостям, я все же из раза в раз уверенно говорила «нет», когда меня пробовали в этой компании поцеловать, или начинали наглаживать повыше коленки, или пивным духом нашептывали в ушко, какая я распрекрасная. Пару раз пришлось слегка, скорее символически, поотбиваться, но в целом люди все были воспитанные (а может, просто ленивые). С другой стороны, и я соблюдала осторожность, никогда в этой компании не напивалась. Возможно, именно поэтому, когда при

мне говорят, что изнасилование всегда остается изнасилованием, даже если девушка была в дрова, я согласно киваю головой, но чувствую себя несколько неловко, что ли.

Куда свободнее в этом смысле я чувствовала себя с Дашей – в тот год она познакомилась с ребятами из Консерватории, куда она собиралась поступать, правда, почему-то не с питерскими, пробиралась с ними на концерты, а потом они пили сухое красное на улице. Миша и Олег были первокурсниками, один, кажется, альтист, а другой гобоист, что ли – что Даша нашла в Олеге, не знаю, он был, правда, очень вежливый и скромный, но коротенький и несимпатичный. Миша, напротив, был уверенный в себе, даже нагловатый, небрежный высокий красавец и к тому же носил худи, горчичные джинсы и ослепительно белые кроссовки, которые тогда только входили в моду.

В декабре Даша зазвала меня с ними в Филармонию – помню почему-то до сих пор, что это был Чайковский, которого я никогда особенно не любила. После концерта мы поехали к ним на проспект Ветеранов, купили в магазине четыре бутылки – это была дешевая кислятина типа кюве дю пап, но по какому-то негласному соглашению считалось, что мы покупаем очень хорошее французское вино – и пробрались в общагу. Способов пробраться в общагу было множество, я не описываю их только потому, что это отдельный жанр – для встречи выпускников, но, безусловно, само это приключение добавляло нам каждый раз азарта и возбужде-

ния, превращало обычную попойку в движение духа, если вы понимаете, о чем я.

Мы исключительно быстро напились, и Даша с Олегом куда-то исчезли, а Миша потащил меня танцевать. Протанцевали мы недолго. Я положила руку ему на живот и впервые в жизни нащупала выдающуюся наружную косую мышцу – исключительная особенность тренированного мужского тела. Я до сих пор равнодушна к этой мышце, а тогда я просто взбесилась от нее. Мы стали целоваться – очень агрессивно, кусая друг друга и сталкиваясь зубами. Миша был уверен в себе, как покупатель в супермаркете (они тогда только стали появляться), – его рука тут же очутилась у меня в трусах. Я опешила от такой наглости и вытащила его ладонь. Так повторилось несколько раз. Потом Миша повалил меня на кровать. Ему удалось стянуть с меня джинсы до колен, он делал это, не прекращая целовать и покусывать меня, все молча, гладил мой лобок и, наконец, стал расстегивать и стягивать собственные джинсы. До меня вдруг дошло, что он вот прямо сейчас, без всяких промедлений намерен заняться со мной самым настоящим сексом, и все мое возбуждение тут же как рукой сняло. Я оттолкнула его, натянула джинсы и сказала что-то вроде «нет, я не могу». Возможно, на этом дело и не закончилось бы, но через секунду в комнату вернулись Даша с Олегом, так что я быстро оделась и ушла.

Миша, насколько я могу судить, всерьез на меня обиделся. По крайней мере, Даша перестала звать меня с ними на

концерты и как-то по-детски терялась объяснить почему. Я давала понять, что объяснений не нужно.

Еще раз я встретила с Мишей примерно через год. Даша опять зავала меня к ним в общагу, и в этот раз все было куда как серьезнее. Мальчишки приготовили что-то вроде ужина – кажется, это были жареные пельмени, – мы ели и пили, смеялись и фотографировались и в конце концов оказались на кроватях. Даша с Олегом стали целоваться, и мы с Мишей тоже. Все происходило в полной тишине, Даша с Олегом раздевали друг друга, смотрели на нас, а мы смотрели на них. Все это мне не нравилось, было глупо и противно, но остановиться было невозможно. Они лежали уже почти совсем голые и готовились начинать, Миша настойчиво раздевал меня, я не давала снять с себя лифчик. Я смотрела на Дашу с Олегом. Они уже всю трахались, и Даша смотрела в мою сторону расфокусированным взглядом. Я пыталась выбраться из-под Миши, он прижимал меня к кровати, держал руки, будто бы в шутку, и, наконец, стал уговаривать меня. Его голос балансировал на грани шепота и сдавленно-го крика и был довольно злой: *ну что ты ломаешься, опять ломаешься! ты такая классная, я давно хочу тебя, правда, очень хочу, давай, давай!* – похоже, что этот голос немного отрезвил меня, я сильно царапнула его, оттолкнула и как была выскочила в коридор. Он вышел вслед за мной, уговаривал вернуться и потом злой как черт ушел в комнату. Я еще минут двадцать ждала Дашу, чтобы она вынесла мне вещи.

Помню смешанные чувства, которые я испытывала, замерзая в этом грязном, освещенном бледными лампами коридоре. Меня постепенно отпускало, волнами накатывало и отступало отвращение, вместе с тем я была довольна тем, что, так легко отделавшись, получила такой необыкновенный опыт – почти группового секса, – и еще я как будто нащупывала в себе вспухающий прыщик, чувство, в котором отвращение смешивается с болезненным наслаждением. Думаю, что я не *дала* Мише именно потому, что сама эта ситуация опять была внешним, помимо меня сложившимся обстоятельством, к которому я не имела отношения. Не в том дело, что Даша рассчитывала или даже в той или иной форме пообещала Мише меня под него подложить – это я как раз легко могу представить, вполне невинно: *а что там твоя подружка-ломака, приводи, хватит ей уже* или, например, *ну что ж вы, мальчики, девочка страдает, а вам лишь бы бухать*, – я говорю о более широком обстоятельстве, про которое, когда хотят его обозначить, говорят: *это жизнь*. Я чувствовала себя объектом этакой *big game*, и поэтому мне было некомфортно.

С Дашей мы почти молча дошли до метро и так же молча доехали до пересадки на «Восстания». Мы, разумеется, не прекратили дружить, но Мишу с Олегом больше никогда не обсуждали.

Да, я не могу отрицать несколько формального отношения к опыту – не только сексуальному, но сексуальному в

том числе – в этот период жизни, когда ты ощущаешь себя взрослее некуда. Знаменитая шутка дотолерантной эпохи – *в жизни нужно все попробовать, и православие, и гомосексуализм* как нельзя лучше описывает эту идею. То есть сейчас, в конце десятых, эта формула выражает скорее ироническое отношение к известному противостоянию в социально-политическом поле, но если говорить без шуток, то в шестнадцать лет мир действительно выглядит как каталог с разными возможностями, напротив которых нужно ставить галочки: *done*. Впрочем, мир так выглядит и в любом другом возрасте, разница только в том, что в шестнадцать ты относишься к этому занятию несравненно серьезнее.

Так, в том же десятом классе – я сидела, делала домашнее задание, и мама позвала меня к телефону с несколько удивленным выражением лица: *тебя Рома* – мне позвонил Рома. Я не сразу сообразила, что это тот самый сын маминой подруги (ага), с которой они сейчас перестали общаться, не из-за ссоры, а просто, а когда-то были не разлей вода, тот самый Рома, которому я по маминому наущению в одиннадцать лет дарила подарочки.

Рома вырос крайне неуверенным в себе мальчиком (примеряя на себя Кирину манеру выражаться, я держала в голове слово «припизднутый»), тем не менее я несколько месяцев встречалась с ним – в первый раз из вежливости (друг детства, все дела), а потом именно из того соображения, что *в жизни нужно все попробовать*.

Рома *ухаживал* за мной, будто сообразуясь с каким-нибудь пособием по этому делу – среди пунктов инструкции были театр, музей, кафе, домашний просмотр кинофильма и так далее.

Такое это производило впечатление, но, судя по всему, так оно и было на самом деле. Значительно позже другой мальчик рассказывал мне, как он в свои тринадцать наворачивал, сужая, круги у газетного киоска, то решаясь, то пугаясь, выжидая момент, пока никого не будет, чтобы, пряча лицо, купить дрожащими руками какую-нибудь «иллюстрированную энциклопедию секса» и быстро убежать. Он рассказывал это со смехом – *а главное, представь только, какие измученные задроты писали эти книги!* – но в сущности смешного тут мало. Насколько я могу понять из своих разрозненных сведений, если у девочек есть все-таки способы всерьез и подробно обмениваться подобного рода опытом, то у мальчиков языка для этого нет вовсе, и любое обсуждение быстро и неизбежно заходит на круги «ну ты че, не мужик – да я-то мужик». То есть в доинтернетную эпоху единственным способом найти ответы на интересующие мальчика вопросы было выхватить из рук продавца, пряча глаза, чтобы не увидеть его гаденькой ухмылки, книгу, в которой было написано что-нибудь вроде «подготовьте помещение, зажгите свечи и засыпьте ложе лепестками цветов» (потому что авторы этих «энциклопедий», разумеется, писали их, одним глазом подглядывая в какую-нибудь кинопошлятину вроде «Эмма-

нуэль»).

Клянусь, Рома действительно засыпал ложе лепестками цветов.

Его мама очень хотела, чтобы у сына наконец появилась девушка, это было видно: она давала ему деньги на рестораны, на кино, на такси (тогда в кино так запросто не ходили и на такси за здорово живешь не ездили), на цветы, а стоило мне заикнуться о том, что надоела зимняя куртка, меня тут же привели в ателье и обеспечили дорогим, очень красивым пальто (ателье принадлежало Роминой маме, это был ее бизнес; говорю обо всем об этом, как бы помечая на полях: не забыть тему экономики секса), пальто я потом проносила еще много лет, – кроме всего этого, она нарочито незаметно исчезала по делам, когда надо было оставить нас с Ромой в квартире одних.

Мне было не очень интересно с Ромой, тем не менее я шла на все это, пересиливала себя из любопытства, чтобы попробовать и такие вот *ухаживания* тоже, – это было тем более удобно, что Рома не набрасывался на меня. Я не могла понять, в чем дело. Мы целовались – его ладони намертво прилеплялись к моим бокам, не двигались ни выше, ни ниже, вот и все, после этого он предлагал чай или включить фильм. Это было удивительно, даже интриговало. Интриговало тем более, что я, как мне казалось, поощряла его к продолжению, хотя бы тем что не сопротивлялась. В общем, я даже готова была к настоящему сексу, почему бы и нет – совсем уж

противным Рома не был, даже вызывал у меня умиление по смежности нашего детства, а главное его преимущество было в том, что его никто не знал – ни в старой школе, ни в новой и ни в одной музыкальной компании. Наконец, лишиться девственности с ним на двоих – вариант был не лучший из возможных, но уж во всяком случае и не худший. Пусть он не был любимым, но этого любимого поди еще найди, а тут – свечи, ароматические палочки и лепестки цветов на ложе.

В конце концов – это был то ли третий, то ли четвертый вечер у него дома, когда мама – *ребятки, поеду к подружке, давно не видела ее, развлекайтесь, там в баре есть бутылочка винца* – ушла, подбросив предварительно Роме в угол кровати упаковку презервативов (он, возмущенно краснея, убрал ее, чтобы было не видно) – я решила взять инициативу в свои руки.

В тот момент я твердо решила сделать это, довести дело до конца. С одной стороны, противно бесконечно ходить вокруг да около, с другой – я видела, что вокруг меня девочки лишаются невинности сплошь и рядом самым бытовым образом и не относятся к этому как к священнодействию, просто встают с койки, как после необходимой и не столь уж значительной операции, и идут по жизни дальше, решая уже какие-то совсем другие проблемы и задачи. Когда Даша говорила мне что-нибудь вроде *ну ты, старуха, совсем засиделась, ты смотри, это уже проблемой становится*, я не то чтобы соглашалась с ней в части того, что это проблема,

но проблемой была сама необходимость постоянно вести эти разговоры и думать об этом. Потерять девственность с Ромой было решением именно этой проблемы, и решением не таким уж и плохим – уж во всяком случае не случайно, не по пьяни, не в подворотне и не с полужнакомым мужчиной.

Я положила ладонь ему на член, чего не делала никогда раньше просто потому, что не было интересно, и подтолкнула к постели. Я целовала его, расстегнула ему рубашку, гладила шею – в ответ он только как-то неловко елозил ладонями по моим бокам вверх-вниз, и стало понятно, что действовать придется самостоятельно. Представление о том, что конкретно нужно делать, у меня было лишь приблизительное. То есть какой-то опыт с Лешей у меня был, но там все делал он, я отвечала и подстраивалась – разница примерно как сидеть на пассажирском месте или за рулем. Я спустилась ниже и стала целовать его грудь и потом еще ниже к животу. Рома замер и лежал, лишь неровно дыша. С некоторым трудом я расстегнула его джинсы, погладила его член через трусы и потом приспустила джинсы вместе с трусами. Член оказался в моей ладони. Я поцеловала его, лизнула, немного подергала. Как на практике осуществляется оральный секс, я не знала – я просто взяла член в рот и выпустила его. Вопреки предубеждениям, противно не было, я не почувствовала никакого неприятного вкуса. Но стоило мне совершить одно это движение, Рома протянул руки к моей голове и сказал *давай не сегодня, прости, извини, давай подождем*. Я тут же

села на кровати – скажу: с облегчением; во все время этой сцены во мне не проснулось ни капельки желания – поправила футболку и отвернулась, чтобы не видеть, как Рома натягивает трусы с джинсами и застегивает их. Голос у него был извиняющийся, он предложил включить кино, я сказала «давай». Это была «Цельнометаллическая оболочка» – подзреваю, кино казалось Роме очень глубоким, и он хотел поделиться со мной этим сокровищем духа.

Посмотрев десять минут, я ушла на кухню, причем сделала вид, что обиделась. Объяснить, зачем я сделала этот вид, одной причиной невозможно: с одной стороны, нужно было хоть как-то это перемещение обосновать, с другой, нужно было выжать максимум из ситуации, чтобы он чувствовал себя кругом виноватым, потом, нужно было создать задел для того, чтобы закончить эти отношения; «я обиделась, потому что ты меня не любишь», примерно так, чудеса лицемерия.

На кухне я подхватила журнал с подоконника – это был «ОМ» – и завалилась с ним на «уголок». Прошло минут пятнадцать, и на кухню пришел Рома. Я была готова к извинениям, но вместо этого он приподнял мою юбку – я лежала на животе – свернул вниз колготки с трусами и начал облизывать мою задницу. Все это молча, в полной тишине – «Цельнометаллическая оболочка» в комнате была поставлена на паузу. Он втиснулся носом между моими ягодицами и стал широко водить языком по промежности. До крайности неле-

по: очевидно, он тоже не знал, как это делается. Я ровным счетом ничего не чувствовала, разве что было слегка щекотно. Если бы Рома не остановился сам, мне пришлось бы прервать его, но он, то ли почувствовав, что я лежу как бревно, то ли решив, что долг платежом красен, но не более того, оторвался от меня, вздернул обратно трусы с колготками, сел, расправил на мне юбку и сказал *не волнуйся, все будет, но позже*. Именно так и сказал – надо думать, под влиянием плохих переводов из своей фильмотеки. Потом он ушел и снова включил свое кино, а я лежала на кухне с журналом в одной руке и с другой рукой в трусах – я искренне наслаждалась собой; в перерывах меня разбирал хохот, но я сдерживалась.

Замечу, что этот анекдотический первый опыт никак не повлиял на мое отношение к оральному сексу – я люблю оральный секс, и в пассивном, и в активном варианте, и получаю от него массу наслаждения. Смысл случившегося в действительности был другой – секс, как и вся жизнь, может быть в высшей степени нелепым, даже абсурдным, со всеми сопутствующими ему обстоятельствами, со всей его окружающей средой. И, когда берешь ход событий, подталкивающих к нему, в свои руки, нужно быть готовой в том числе и к тому, что все будет предельно глупо и смешно. Ну и что – к этому нужно быть готовой, каждый раз выходя из дома.

Когда я рассказала о случившемся Кире с Оксаной (рассказывая, я не чувствовала угрызений совести – ведь они

не были знакомы с Ромой), Кира, утерев слезы, выступившие у нее от смеха – а она смеялась громким девичьим баском, с широко открытым ртом: прохожие, бывало, оборачивались, – сказала *ну а что, неплохо, смотри-ка, за один миниминет несколько ужинов и еще целое пальто, молодец!* То есть Кира, конечно, шутила, и мы еще долго разгоняли на тему «Нинка далеко пойдет», но вопрос все же был поставлен – вопрос о том, как относиться к подобного рода инвестициям в меня, в мое будущее согласие на секс (да, об этом в данном случае, разумеется, не думал Рома, но действовала так, будто думала, его мать).

Для меня этот вопрос не мог быть незначительным – мы с матерью все еще жили, перебиваясь от ее зарплаты до папиного перевода из Америки и потом снова до зарплаты или случайной подработки; мы не голодали, нет, но новое пальто купить уж точно не могли. Ромина же мать была одним из немногих бенефициаров хаоса последних десяти лет. И конечно, мне не могла не приходиться в голову мысль о том, что вот тут – рядом, только протяни руку – есть возможность больше не думать о том, как бы купить новые колготки или, там, зайти в кафе, а денег нет. Тем более, что, кажется, все, что для этого нужно было делать, это смотреть Кубрика. Я отказалась от этой идеи не из моральных соображений, а потому что Рома не вызывал у меня ни капли желания и еще потому, что я смутно чувствовала какую-то опасность в этой его припизднутости. Я не ошиблась – через год Рома с мамой

уехали в Аргентину, где он вступил в иеговистского толка секту.

И да, ту ночь я провела на кухне, утром уехала в школу, а вечером, когда он позвонил, сказала ему, что он маменькин сынок и чтобы больше не звонил. И он не звонил. Только через много лет, когда приезжал на несколько дней из Аргентины; мы даже встретились, чтобы выпить кофе по-дружески; он подарил мне брошюру «Иисус любит тебя». Из вежливости я донесла ее до ближайшей урны.

Удивительно, но в эту последнюю встречу у меня не было чувства неловкости – напротив, я скорее испытала нежность к прошлому, к себе шестнадцатилетней и даже к Роме, раз уж мы прошли через это вместе, такие маленькие и смешные.

Впрочем, при всем веселье, этот эпизод был в равной мере и пугающим. Я хочу сказать, что в нем, взятом самом по себе, ничего страшного не было, до тех пор, пока это было наше с Ромой личное дело; но мне в голову приходили и другие варианты. Например. Рома сходит с ума и начинает меня преследовать. Встречает у школы, звонит домой, ждет у парадной. Мне приходится объяснять всем, в чем дело. Или. Рома рассказывает все своей маме, она начинает названивать моей и рассказывает ей, какая я шлюха. Или Рома решает мне отомстить и находит способ распространить какие-нибудь идиотские слухи в моей школе. Вариантов масса. Про Оксану в школе ходили слухи, я еще расскажу об этом, и ничего ни за-

бавного, ни крутого в этом не было: мы с Кирой, разумеется, поддерживали ее, и все-таки ей приходилось очень тяжело.

Некоторое время я жила немного на нервах, потом успокоилась. В том ли дело, что внутренний мир подростка проявляет чудеса регенерации? Бог его знает, я не специалист. Может быть, дело в том, что приходилось очень много учиться. Это правда. Всякий, кто заканчивал школу в это время в Петербурге или в любом другом большом городе, наверняка помнит, какой это был прессинг со всех сторон – родители, учителя, любые взрослые: ты обязана поступить в университет, если не поступишь, это будет катастрофа если не равносильная самоубийству, то близко к тому. Начиналось все это, кстати, не в последний, а предпоследний школьный год – и продолжалось два года до самых экзаменов. Учитывая, что я решила поступать на экономический, мне пришлось учить математику. Не скажу, что совсем с нуля, но я всегда еле-еле справлялась с программой, а тут – алгебра и матанализ на уровне первого курса матмеха; это было круто.

Отец сказал мне по телефону, что как только мне стукнет восемнадцать, он уже не будет чувствовать себя обязанным отправлять нам с мамой деньги, но если мне удастся поступить в приличное место (он имел в виду экономический или юридический, и уж конечно не в какой-нибудь Техноложке), то он еще будет помогать все время, пока я буду учиться. В прессинге не участвовала только бабушка по папе – ее куда больше занимало мое превращение в женщину, не в узком

смысле, тут она была сама скромность и никогда не интересовалась, а в смысле моих ТТХ, во всяком случае, именно так я трактовала ее взгляд, каждый раз когда я к ней приходила – долгий, сверху вниз и обратно, оценивающий, одобрительный, даже удовлетворенный. Бабушка к концу моего десятого класса серьезно заболела, и я ездила к ней на Жуковского часто, она уже почти не выходила из дома, я ходила для нее в магазин, но ездила не за этим – я довольно сильно ее любила и чувствовала, что вот-вот потеряю. Этот последний год был годом нашей самой большой близости – бабушка показывала мне старые фотографии, в основном послевоенные, но и более старые тоже, дореволюционные, рассказывала о семье, делилась взглядами на жизнь, свободными даже по нынешним представлениям. Меня удивляло, что меня саму бабушка и ее жизнь заинтересовали только теперь, что раньше бабушкина история для меня как бы совсем не существовала. Юность – это возмездие, а также жестокость, глупость и эгоизм.

А дело ведь в том, что жизнь не позволяет ничего наверстывать. Есть такая иллюзия, будто что-то можно наверстать, но на самом деле нельзя. Не успела порасспросить бабушку – бабушка умерла. Не успела прочитать что-то, что читают в семнадцать лет, – невелик шанс, что прочтешь когда-нибудь, потому что придется читать отчеты. В действительности жизнь устроена так, что каждой опции она отводит свой срок; не успел воспользоваться – извините, двери закрыва-

ются. Человек – существо застывающее.

Я думала о себе, о своем теле – прекрасном, фейерверком отзывающемся на каждое легчайшее прикосновение, упругом, прекрасно пахнущем, соблазнительном, даже меня саму соблазняющем, – и мне становилось до злости обидно, что оно еще не вполне пущено в работу, когда могло бы принести столько радости мне и – в ни чуть не меньшей степени – радовать других. (Потому что, разумеется, одно из главных, а может быть, и главное наслаждение в жизни – быть источником радости для другого.)

Словом, все было не до того, и следующую попытку лишиться невинности я предприняла не скоро – это случилось только на первом курсе. В гримерке стриптиз-клуба, в котором я недолго работала (обязательно расскажу об этом), я познакомилась с Ильей, музыкантом из Москвы. Он пялился на меня, хотя полуголых и голых женщин там было много, впрочем, пялился скорее скромно, стесняясь и так же стесняясь сказал мне несколько комплиментов и попросил телефон. Я дала ему телефон Даши – она тогда уже жила отдельно, и я часто у нее ночевала. Илья вообще-то был скорее не мой тип – лет тридцати, хоть и симпатичный, но меня подкупило его поведение: не опытный самец, а какой-то Питер Пэн; он изо всех сил смотрел в глаза, а когда все-таки не выдерживал и стрелял ими вниз, непроизвольно (тогда я не была еще настолько цинична, чтобы думать о том, каких трудов стоит выработать эту непроизвольность) краснел.

Я дала ему номер скорее потому, что не смогла сходу придумать, почему нет, но на следующий день Даша, когда я к ней приехала вечером, сказала, что мне весь день названивал какой-то Илья – и я задумалась. Он уехал в Москву, оставив свой московский номер, но что мне было с ним делать? В следующие несколько дней Даша затроллила меня – *один нашелся, и тот в Москве, и тот уехал, оставаться тебе, Ниночка, в девственницах, пока опять не приедет* – до такой степени, что я, сильно на нее разозлившись, объявила, что прямо сейчас еду на Московский вокзал, покупаю билет и отправляюсь на дефлорацию. Что и совершила.

Утром я оказалась в Москве. Был октябрь, довольно холодно, города я совсем не знала и не представляла, что делать. С вокзала я позвонила Илье, но телефон предсказуемо не отвечал. Расстроившись, я доехала до центра, гуляла, грелась в кафешках, звонила Илье и слушала гудки и так провела весь день. Мое настроение сменилось за это время кардинально: утром это была досада – ближе к вечеру абсурд происходящего меня уже только смешил. Мне оставалось только доехать до Ленинградского вокзала и сесть на поезд обратно – у меня даже не было ни одной московской знакомой, у которой я могла бы переночевать. Однако же ровно перед тем как я уже окончательно решила ехать обратно и в последний раз зашла в телефонную будку, Илья наконец ответил. Непринужденным тоном я сказала ему, что вот так и так, оказалась в Москве и почему бы нам не встретиться, если

у него есть время. Из всех московских ориентиров я успела выучить только памятник Пушкину, так что встречу назначили у него.

Он почему-то повел меня в «Макдоналдс» (в том, что за прошедшие без малого двадцать лет это стало все-таки неприличным, я лично вижу немалый прогресс русской культуры), я сильно стеснялась, молчала и была сильно напряжена и расслабилась только после того, как он предложил поехать к нему – *приготовим что-нибудь, поужинаем*. Тут я как-то успокоилась и, помню, защебетала, как птичка. Он жил далеко от центра, мы доехали на метро, зашли в магазинчик у дома, он купил вина и очень простой еды. Квартира была просторная, среди гостиной стоял рояль, заваленный нотами, стены были увешаны таблицами склонений немецких глаголов – он объяснил, что его подруга зовет его переехать в Германию, поэтому он учит язык. Информация о подруге меня, к слову, совершенно не покорила; главное было, что ее нет сейчас здесь. Илья состряпал ужин, открыл вино, и мы сели смотреть кино; я тогда еще не смотрела «Матрицу», и Илья, услышав об этом, сказал, что нужно обязательно посмотреть. Я согласилась, хотя и подумала – неужели так будет всегда, и мужчины вместо секса будут вечно показывать мне фильмы, которые им кажутся такими важными, что просто умереть не встать.

После ужина и фильма все было очень по-деловому. Илья сказал *пойдем спать*, я сказала *пойдем*, но осталась сидеть.

Тогда он взял меня на руки с кресла (фильм мы смотрели, сидя в разных креслах) и перенес на диван. Мы стали целоваться, но я не чувствовала ни капли возбуждения. Безусловно, я боялась. Но в значительной мере было виновато и вино – то, что я вообще не сразу поняла: в моем случае алкоголь никак не помогает сексу, ровно наоборот. Алкоголь расслабляет – мне для возбуждения, и сексуального в том числе, нужна ясная голова. Теперь я знаю, что, если хочешь получать удовольствие от секса, кончать ярко и много, больше одного бокала вина пить нельзя, но тогда я сидела на коленях у Ильи, обнимала его, он обнимал меня – вся его стесняшность слетела с него, как с дерева дым, он был, без сомнения, опытным и умелым любовником, – мы целовались, и желания во мне было примерно столько же, сколько на вступительном сочинении (да, тогда еще писали сочинения). Тем не менее я твердо решила на этот раз не отступать, пройти все до конца, пусть без восторгов и полетов, но чтобы не возвращаться из Москвы с пустыми, так сказать, руками.

Посреди поцелуя Илья прервался и сказал, что ему нужно в ванную. Сказал непринужденно, немного деловито, и ушел. Вернулся он уже совершенно голый, с намытым членом. И тогда, и сейчас я отношусь к этим предкоитальным походам в ванную неоднозначно: с одной стороны, я понимаю, что это проявление заботы обо мне, и не могу этого не ценить; с другой – в этой техничности теряется значительная часть интриги, атмосферы, чувства игры и независимо-

сти происходящего. Это, грубо говоря, не так интересно (я так и подумала в тот момент – ну, совсем не интересно). Зато в данном случае интересным оказался размер члена: он был огромный, у меня перехватило дыхание. Илья подошел ко мне вплотную, практически уперев свой член мне в лицо. Я не стала ничего делать, только, стараясь сделать деловой вид, внимательно осмотрела его с ног до головы. Спортивным его было не назвать, у него намечался даже небольшой животик, но в целом – довольно крепкое тело, даже подтянутое. Постояв так, он сел, стал раздевать меня, раздел до трусов и усадил на колени. В этот момент из меня вырвалось (хотя я вовсе не собиралась этого говорить, даже именно хотела не говорить): *у меня первый раз*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.